

МКАЧИ

ДРАМА ИЗ ЖИЗНИ Сороковых ГОЛОВ,
В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
А. АРИАН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дрейсигер — владелец бумажейной фабрики.
Фрау Дрейсигер.
Пфейфер, приемщик
Нейман, кассир
Мальчик-ученик
Кучер Йоганн
Девушка } — служащие Дрейсигера.
Вейнгольд — домашний учитель сына Дрейсигера.
Пастор Киттельгауз.
Фрау Киттельгауз.
Гейде — полицейский инспектор.
Кутше — жандарм.
Вельцель — хозяин трактира.
Фрау Вельцель.
Анна Вельцель.
Виганд — столяр.
Коммивояжер.
Крестьянин.
Лесник.
Шмидт — хирург.
Горниг — старьевщик.
Старый Виттиг — кузнец.
Ткачи:
Бежкер.
Мориц Егер.
Старый Баумерт.
Матушка Баумерт.
Берта Баумерт.
Эмма Баумерт.
Фриц — сын Эммы, четырех лет.
Август Баумерт.
Старый Анзорге.
Фрау Генрих.
Старый Гильзе.
Фрау Гильзе.
Готлиб Гильзе.

Луиза — жена Готлиба.

Мильхен — их дочь, шести лет.

Рейман.

Гейбер.

Ткачиха.

Мальчик, восьми лет.

Старые и молодые ткачи и ткачихи.

События, описываемые в этом произведении, произошли в сороковых годах в Кашбахе в Эйленгебирге, а также в Петерсвальдау и Лангенбилау, расположенных у подножия Эйленгебирге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Просторная, окрашенная в серый цвет комната в доме фабриканта Дрейсигера в Петерсвальдау. Это помещение, куда ткачи сдают готовую ткань. Слева — окна без гардин, в глубине — стеклянная дверь, направо — такая же дверь, через которую все время входят и выходят ткачи, ткачихи и дети. Вдоль правой стены, как и все остальные, почти сплошь уставленной деревянными стеллажами, тянется широкая скамья, куда приходящие ткачи складывают свой материал и в порядке очереди предьявляет его для контроля. За большим столом, на котором ткачи расстилают свой подлежащий контролю товар, стоит приемщик Пфейфер. В руках у Пфейфера циркуль и лупа. Когда ткань осмотрена, ткач кладет бумазею на весы, и конторский мальчик определяет ее вес. Тот же мальчик сбрасывает бумазею с весов и швыряет ее на стеллажи. Каждый раз, когда ткань принята, приемщик Пфейфер громко называет кассиру Нейману подлежащую выплате денежную сумму. Кассир сидит за небольшим столиком.

Конец мая. Душный полдень. Ткачи стоят перед приемщиком, как перед судьей, напряженно, в страхе ожидая решения своей судьбы: жизнь или смерть! Все они подавлены, забиты, как нищие, которые живут под гнетом непрерывных унижений, и стараются остаться незаметными, только бы их терпели. На лицах — следы неустанных, бесплодных, тяжелых дум. Мужчин почти нельзя отличить друг от друга: все — плоскогрудые, кашляющие, жалкие люди с серыми лицами, с искривленными от постоянного сидения коленями, жертвы ткацкого станка. Женщины на первый взгляд менее схожи, но все обессилены, замучены, измождены, тогда как мужчины еще силятся сохранить какое-то жалкое достоинство, и одежда на них, хоть и в заплатках, но опрятная. Девушки не лишены привлекательности, но на лицах — восковая бледность. Глаза — большие грустные. Хрупкие фигурки.

Кассир Нейман (*отсчитывает деньги*). Остается шестнадцать зильбергрошей и два пфеннига.

Первая ткачиха (тридцати лет, очень худая, берет деньги дрожащими руками). Благодарю вас.

Женщина продолжает стоять.

Нейман. В чем дело? Опять что-то не сходится?

Первая ткачиха (взволнованно, умоляюще). Мне так нужно немного денег вперед, хоть несколько пфеннигов.

Нейман. А мне вот нужны несколько сот талеров! Мало ли кому что нужно! (Уже выплачивая другому, коротко бросает.) Насчет выплаты вперед решает сам господин Дрейсигер.

Первая ткачиха. А нельзя ли мне поговорить с самим господином Дрейсигером?

Приемщик Пфейфер (бывший ткач, это сразу бросается в глаза. Но вместе с тем он упитан, хорошо одет, гладко выбрит, нюхает табак. Грубо кричит вслед женщине). Господину Дрейсигеру только и дела, что самому вникать во всякую мелочь. А мы-то здесь зачем? (Пускает в ход циркуль и рассматривает ткань под лупой.) А, черт! Какой сквозняк! (Обертывает шаль вокруг шеи.) Закрывайте дверь, когда входите!

Мальчик-ученик (громко, Пфейферу). Говори не говори, все равно что чурбаны!

Пфейфер. Все! На весы!

Ткач кладет кусок на весы.

Если бы вы знали толк в своем деле!.. Опять пропуски... Глаза бы мои не глядели... Хороший ткач не зевает, наматывая пряжу на навой.

Входит Беккер. Молодой, красивый, крепкий, не чета прочим ткачам, он держится непринужденно, почти дерзко. Пфейфер, Нейман и мальчик понимающе переглядываются при его появлении.

Беккер. Ну и жара! Потеешь, словно в бане!

Первый ткач (вполголоса). Быть дождю, видно!

Через стеклянную дверь справа протискивается старый Баумерт. За дверью теснятся ожидающие ткачи. Старик, прихрамывая, пробирается вперед и кладет свой сверток на скамейку неподалеку от Беккера. Сам он тоже садится на скамью и вытирает пот с лица.

Старый Баумерт. Здесь можно и отдохнуть.

Беккер. Отдых лучше, чем деньги.

Старый Баумерт. И деньги не лишние. Здорово, Беккер!

Беккер. Здорово, папаша Баумерт! Дождись тут невесть как долго!

Первый ткач. А им что! Ткач всегда жди, — где час, где день... А ткач ведь тоже человек!..

Пфейфер. Потихе, вы! Собственных слов из-за вас не слышно!

Беккер (*шепотом*). Видно, он опять с левой ноги встал!

Пфейфер (*обращаясь к ткачу, стоящему перед ним*). Сколько раз я вам говорил? Надо лучше очищать. Ну что вы тут наворотили? Ключья, как мой палец, и солома, и всякое дерьмо!

Ткач Рейман. Видно, новые щипцы куда не годятся.

Мальчик-ученик (*взвесив материал*). И в весе нехватка!

Пфейфер. Тоже ткачи! Жаль основы, которую даешь вам. О боже! В мое время все было не так. Мой мастер уж показал бы мне, где раки зимуют! В мое время были другие требования. Надо было знать свое дело! Да! А нынче это не обязательно. Выплатить Рейману десять зильбергрошей!

Ткач Рейман. Но один фунт всегда скидывается на отходы!

Пфейфер. Мне некогда. Хватит! А вы что принесли?

Ткач Гейбер (*кладет свой сверток. Пока Пфейфер рассматривает его, подходит к нему вплотную и вполголоса взволнованно говорит*). Простите, господин Пфейфер, я покорнейше просил бы вас... не согласится ли ваша милость... не окажете ли вы мне одолжение... не вычитайте из сегодняшней получки те деньги, что я брал вперед...

Пфейфер (*с циркулем в руках, рассматривая ткань, насмешливо*). Ну, да. Конечно! Ну и сработано! Половина утка снова пропала!

Ткач Гейбер (*продолжая, вполголоса*). В следующую получку я непременно все выплачу. На прош-

лой неделе я два дня работал у помещика в имении. А жена лежит дома больная...

Пфейфер (*отдает материал на весы*). Вот опять наворочено невесть что! (*Берет новую штуку*.) А кромка! То широкая, то узкая. Вот, уток порвался. И тут разъехался! На каждый дюйм основы едва семьдесят ниток утка. А где остальные нитки? И это называется добросовестность! Безобразие!

Ткач Гейбер, едва сдерживая слезы, стоит со смиренным, беспомощным видом.

Беккер (*вполголоса, Баумерту*). Этот негодяй не прочь, чтобы мы еще прикупали пряжу.

Первая ткачиха (*стоит в нескольких шагах от кассира, во взгляде у нее отчаяние, все время озирается, как бы ища помощи. Набравшись духу, еще раз умоляет кассира*). Я скоро... не знаю, как быть... Если вы и на этот раз... и ничего не дадите вперед... О боже милостивый...

Пфейфер (*кричит ей*). Не проси, не поможет! Оставьте в покое господа бога. Вы не так уж его страшитесь... Присматривали бы лучше за мужем, чтобы не сидел целыми днями в трактире. Мы не можем давать денег вперед. Нам самим приходится отчитываться! Ведь деньги не наши. С нас потом спросят. Кто не ленив да знает свое дело, и работает со страхом божьим, тому нет нужды брать вперед. Хватит разговаривать!

Нейман. А если ткачи в Билау получают в четыре раза больше, так они и пропивают в четыре раза больше и еще залезают в долги.

Первая ткачиха (*громко, как бы взывая к чувству справедливости*). Я не ленива, нет. Но у меня нет больше сил... Я ведь два раза болела... а муж, он тоже сам не свой... Даже к пастуху в Церлау ходил, и тот не помог ему... и вот... через силу и конь не скачет... Мы работаем, сколько можем. Уже много недель ни в одном глазу сна не было... Все обойдется, надо только немного окрепнуть. Но ведь и вы должны хоть чем-нибудь помочь нам... (*Настойчиво, льстиво, умоляюще*.) Я прошу вас, разрешите на этот раз выдать мне несколько грошей вперед.

Пфейфер (не обращая на нее внимания). Фидлеру одиннадцать зильбергрошей!

Первая ткачиха. Несколько грошей! Только на хлеб! В долг больше не дают. А ведь дома куча детей!

Нейман (вполголоса и комически важно, мальчику-ученику). «У ткачей ребят полно, траля-ля, траля-ля!»

Мальчик-ученик (в том же тоне продолжает). «Жаба шесть недель слепа... (Подхватывает мелодию.) Траля-ля, траля-ля!»

Ткач Рейман (не прикасается к деньгам, которые выложил кассир). Ведь до сих пор мы всегда получали по тринадцати с половиной грошей за кусок.

Пфейфер (вмешивается). Если это вас не устраивает, Рейман, только скажите. Ткачей у нас хватит. В особенности таких, как вы. За полный вес мы даем полную плату.

Ткач Рейман. Здесь не хватает в весе...

Пфейфер. Принесите кусок бумазеи подобротней, и вычетов не будет.

Ткач Рейман. Вы говорите, тут много узлов. Да быть этого не может!

Пфейфер (продолжая рассматривать бумазею). Кто хорошо ткет, тот хорошо живет.

Ткач Гейбер (не отходит от Пфейфера, надеясь, что улучит благоприятную минуту и выклянчит у него аванс. Ухмыляется на изречение Пфейфера и снова упрасивает). Покорнейше прошу, господин Пфейфер, сжальтесь на этот раз и не вычитайте грошей, взятых вперед. Моя жена не встает с самой масленицы. Она не может работать. Приходится нанимать девочку для наматывания шпули. Потому...

Пфейфер (нюхает табак). Гейбер, вы не один у меня. Другие тоже ждут очереди!

Ткач Рейман. Какую основу я получил, какую намотал, такую и снял... Не могу же я принести пряжу лучше, чем та, что мне дали.

Пфейфер. Если это вам не подходит, то и не берите больше основы. У нас достаточно людей, обивающих пороги в поисках работы.

Нейман (Рейману). Что ж? Не берете денег?

Ткач Рейман. Какие же это деньги? Я не согласен.

Нсйман (*не обращая внимания на Реймана*). Гейберу получить десять зильбергрошей, за вычетом пяти грошей, выданных ранее. Итого в счет полочки — пять грошей.

Ткач Гейбер (*выходит вперед, смотрит на деньги, стоит качая головой, будто не верит самому себе, и медленно, неловко берет деньги*). Вот и все, все. (*Тяжело вздыхая*.) Ох-ох-ох!

Старый Баумерт (*прямо в лицо Гейберу*). Да, да, Франц! Есть о чем поохать и повздыхать.

Ткач Гейбер (*с трудом говорит*). Да ведь вот у меня дома больная девочка. Надо бы ей пузырек с лекарством принести.

Старый Баумерт. А что у нее?

Ткач Гейбер. Видишь ли, она сызмальства хвора. Не знаю... Впрочем, тебе я могу сказать — она такой на свет родилась, нечистая кровь так ее и мутит...

Старый Баумерт. Да, куда ни кинь, все клин. Где бедность, туда прет и несчастье! Одно за другим. Не знаешь, куда податься.

Ткач Гейбер. Что у тебя тут в узелочке?

Старый Баумерт. Дома хоть шаром покати. Пришлось прикончить нашу собачку. И тут не полакомишься, она очень тощая, голодная. А какая была ласковая собачка! Я сам не мог ее прирезать, не хватило духу.

Пфейфер (*проверив ткань Беккера, громко*). Беккеру тринадцать с половиной зильбергрошей.

Беккер. Да ведь это жалкая милостыня, а не плата за работу!

Пфейфер. Кто сдал товар, пускай очистит помещение. Здесь повернуться негде.

Беккер (*обращаясь к стоящим рядом, громким голосом*). Ведь это же жалкие чаевые, и только! Человек работает с раннего утра до поздней ночи! Восемнадцать дней за станком в пыли и духоте, ни одного вечера отдыха, и так надрываться за тринадцать с половиной грошей!

Пфейфер. Не смей здесь орать.

Беккер. Ну, я вам не дам заткнуть мне глотку.

Пфейфер (*вскакивает*). Это мы еще посмотрим! (*Бежит к стеклянной двери и кричит в контору.*) Господин Дрейсигер, господин Дрейсигер, будьте так любезны!

Дрейсигер (*входит. Ему лет сорок. Это толстый астматик. Строго*). Что случилось, Пфейфер?

Пфейфер (*нахально*). Беккер говорит, что не даст заткнуть ему глотку.

Дрейсигер (*выпрямляется, откидывает голову, пристально смотрит на Беккера, ноздри у него раздуваются*). Ах вот как!.. Беккер! (*Пфейферу.*) Это тот самый, который...

Служащие кивают утвердительно.

Беккер (*нагло*). Да-да, господин Дрейсигер. (*Показывая на себя.*) Это тот самый. (*Показывая на Дрейсигера.*) А вы — тот самый!

Дрейсигер. Ему, видно, слишком хорошо живется. Он до тех пор будет играть с огнем, пока не обожжется.

Беккер (*грубо*). А ты, копеечная душа, помалкивай! Твоя мать, наверно, загляделась на сатану, когда в новолуние вылетела на помеле из трубы! Вот и вышел из тебя такой черт!

Дрейсигер (*гневно рывкает*). Заткни глотку! Сейчас же заткни глотку, иначе... (*Весь дрожит и делает несколько шагов вперед.*)

Беккер (*смело дожидается его приближения*). Я не глухой. Я еще хорошо слышу.

Дрейсигер (*овладевает собой, внешне спокойно и деловито*). Этот парень тоже был при этом?..

Пфейфер. Это ткач из Билау. Они всегда тут как тут, когда пахнет скандалом.

Дрейсигер (*возбужденно*). Так вот что я вам скажу: если это случится еще раз, если еще раз мимо моего дома пройдет такая орава пьянчуг, такая банда бездельников и молокососов, как это было вчера вечером, и будет петь эту гнусную песню...

Беккер. Вы, вероятно, имеете в виду песню «Кровавая баня»?

Дрейсигер. Он знает, о какой песне я говорю. Итак, повторяю вам: если я еще хоть раз услышу эту песню, я прикажу схватить кого-нибудь из вас и — клянусь честью, я не шучу — передам его в руки властей. А когда узнаю, кто сочинил эту жалкую гнусную песню...

Беккер. О, это чудная песня!

Дрейсигер. Еще слово, и я пошлю за полицией. Сию же минуту! Я не буду церемониться. Я справлюсь с вашим братом. Я и не с такими справлялся!

Беккер. Еще бы! Что для фабриканта двести-триста рабочих! И пикнуть не успеешь. И костей не соберешь. У такого фабриканта четыре желудка, как у коровы, и пасть, как у волка. Нет-нет. Тут дело серьезное!

Дрейсигер (*служащим*). Этому человеку у нас больше работы не давать.

Беккер. Не все ли равно, где околеть: за ткацким станком или в канаве?

Дрейсигер. Вон! Сию минуту вон!

Беккер (*твердо*). Сначала я получу мои деньги.

Дрейсигер. Что ему причитается, Нейман?

Нейман. Двенадцать зильбергрошей и пять пфеннигов.

Дрейсигер (*поспешно берет у кассира деньги и с такой силой швыряет их на стол, что несколько монеток падает на пол*). Вот! Получайте — и прочь с глаз моих!

Беккер. Сначала я получу свой заработок.

Дрейсигер. Вот ваш заработок. И если вы не уберетесь... Как раз бьет двенадцать, мои красильщики идут на обед...

Беккер. Я хочу получить свой заработок в руки. Сюда! (*Тычет пальцами правой руки в ладонь левой.*)

Дрейсигер (*мальчику-ученику*). Поднимите с полу деньги, Тильгнер.

Мальчик поднимает деньги, кладет их Беккеру в руку.

Беккер. Порядок — прежде всего! (*Неторопливо кладет деньги в ветхий кошелек.*)

Дрейсигер. Ну?

Беккер все еще не уходит.

Что ж, помочь вам?

Среди сгрудившихся ткачей происходит какое-то движение. Слышен долгий тяжкий вздох. Падение. Внимание всех обращается на это новое происшествие.

Что случилось?

Голоса ткачей и ткачих. Кто-то упал.

— Смотрите, какой маленький славный мальчуган...

— Заболел, что ли?

Дрейсигер. Что такое? Упал? *(Подходит ближе.)*

Старый ткач. Да, вот лежит.

Люди расступаются, виден мальчик лет восьми, лежащий замертво на полу.

Дрейсигер. Знает ли кто-нибудь этого мальчика?

Старый ткач. Он не из нашей деревни.

Старый Баумерт. Как будто — паренек Генриха... *(Внимательно приглядывается.)* Да-да, это Густав, сын нашего Генриха.

Дрейсигер. Где он живет?

Старый Баумерт. У нас в Кашбахе, господин Дрейсигер. Отец по вечерам играет в оркестре, а днем гнет спину за станком. У них девять душ ребят, и десятого ждут.

Голоса ткачей и ткачих. Им тяжело живется очень...

— Крыша худая, протекает...

— У матери и двух рубашек нет на всех девятерых.

Старый Баумерт *(дотрагивается до ребенка)*. Эй, мальчуган, что с тобой? Да очнись же!

Дрейсигер. Помогите поднять его. Какая глупость — посылать такого слабого ребенка в такой далекий путь. Принесите воды, Пфейфер.

Ткачиха *(которая помогает поднять ребенка)*. Уж лучше тебе и не проснуться, малыш!

Дрейсигер. Или коньяку, Пфейфер. Коньяк лучше.

Беккер *(стоит всеми позабытый и наблюдает за происходящим. Берется за дверную ручку и кричит гром-*

ко и насмешливо). Дали бы ему пожрать, он бы и пришел в себя! (Уходит.)

Дрейсигер. Этот парень плохо кончит. Берите ребенка под мышки, Нейман, осторожнее... осторожнее. Так, так... Снесем его ко мне. Что вы делаете?

Нейман. Он что-то сказал, господин Дрейсигер. Он шевелит губами.

Дрейсигер. Чего ты хочешь, мальчик?

Мальчик (едва слышно). Я голоден.

Дрейсигер (бледнеет). Ничего не поймешь.

Ткачиха. Мне кажется, он сказал...

Дрейсигер. Ладно, там видно будет. Не задерживайтесь! Положите его в конторе на диван. Послушаем, что скажет доктор.

Дрейсигер, Нейман и ткачиха ведут мальчика в контору. Среди ткачей движение. Как школьники, когда учитель уходит из класса, они распрямляются, что-то шепчут, переминаются с ноги на ногу и вдруг начинают говорить громко и все сразу.

Старый Баумерт. Я всегда говорил, что Беккер прав.

Ткачи и ткачихи. А что он сказал?..

— Ничего нового, еще одну душу, мол, голодом заморили...

— А что-то будет еще зимой? Расценки обкарнали и еще урезают. И с картошкой в этом году плохо...

— Так оно и пойдет, пока все мы не подохнем.

Старый Баумерт. А лучше всего сделать так, как нентвихский ткач — накинул себе петлю на шею и повесился на ткацком станке. — Вот, возьми табаку. Я сходил в Нейрод, мой шурин работает там на табачной фабрике. Он мне и дал несколько щепоток. Что у тебя хорошего в узелке?

Старый ткач. Немного перловки. Тут возвращалась телега от мельника Ульбрихта. Один мешок чуть распоролся, а мне и на руку, сам понимаешь.

Старый Баумерт. В Петерсвальдау двадцать две мельницы, а нашему брату ничего не достается.

Старый ткач. Не надо только падать духом. Всегда что-нибудь да придет человеку на помощь. Глядишь, еще немного и протянешь.

Ткач Гейбер. Если ты голоден, молись четыр-

надцати заступникам. А если от этого не станешь сыт, возьми камешек в рот и соси. Правильно, Баумерт?

Дрейсигер, Пфейфер и кассир возвращаются.

Дрейсигер. С мальчишкой ничего страшного не случилось. Он уже пришел в себя. (*Расхаживает взад и вперед и отдувается.*) А все-таки какая глупость! Ребенок прямо стебелек, кажется, вот-вот сдует его. Даже не поймешь, как люди... Как родители могут так неразумно поступать. Взвалить на него два куска бумази и послать сюда — а ведь идти полторы мили. Трудно поверить! Придется отдать распоряжение, чтобы у детей вообще не принимали товар. (*Молча шагает по комнате.*) Во всяком случае, я настоятельно прошу, чтобы такие вещи не повторялись. Кто в конце концов будет в ответе? Конечно, мы, фабриканты! Мы виноваты во всем! Если такой вот мальчуган зимой застрянет в снегу и замерзнет, то тут же, откуда ни возьмись, появится писака и, смотришь, дня через два размажет эту страшную историю во всех газетах черным по белому. А отец, а родители, посылающие такого ребенка... Боже сохрани, они ни в чем не повинны! В ответе фабрикант! Фабрикант — козел отпущения! Ткача всегда оправдают, а на фабриканта посыплется град нападок: он-де бессердечный человек, камень, опасный субъект, на которого может твякать любой из этой своры газетчиков. Фабрикант, видите ли, живет превосходно, в одной только радости, а ткачи у него с голоду умирают. А что у такого фабриканта свои заботы и бессонные ночи, что он решается на большой риск, который даже и не снится рабочим, что у него голова идет кругом от бесконечных расчетов и перерасчетов, что он должен думать и передумать о тысяче вещей, что он борется не на жизнь, а на смерть, что его заедают конкуренты, что у него не проходит и дня без неприятностей и потерь, — об этом, конечно, молчат! И чего только не валят на фабриканта! Кто только не присасывается к нему и не живет за его счет! Нет-нет, побывали бы вы в моей шкуре, так запели бы другую песню. (*Несколько овладев собой.*) Как держал себя здесь этот парень, этот негодяй Беккер! А сейчас он пойдет повсюду трубить, что я бог знает какой бес-

сердечный, что я, мол, из-за любого пустяка выставляю ткачей за дверь! Разве это так? Разве я уж такой бессердечный?

Много голосов. Нет, господин Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну вот и я тоже так думаю. А эти негодяи расхаживают тут и поют наглые песни про нас, фабрикантов; толкуют о голоде, а у самих столько лишку, что водку дуют целыми квартами! Пускай они сунут нос в другое место и посмотрят, что происходит у ткачей на полотняных фабриках. Вот где нужда! А вам, бумазейщики, вам тут неплохо! У вас все основания в тишине благодарить господу. Я спрашиваю вас, старых трудолюбивых и порядочных ткачей: могут ли мои рабочие заработать себе на кусок хлеба?

Много голосов. Да, господин Дрейсигер.

Дрейсигер. Ну вот, видите! Такой субъект, как Беккер, у меня, конечно, долго не проживет. Но советую вам — таких держите на привязи! Если мне все это надоест, я поставлю точку, закрою лавочку, и уберайтесь на все четыре стороны, — тогда посмотрим, где вы получите работу. Во всяком случае, не у Беккера.

Первая ткачиха (*пробилась к Дрейсигеру и униженно снимает пылинки с его сюртука*). Вы измазались, господин Дрейсигер!

Дрейсигер. Дела идут из рук вон плохо. Вы это сами знаете. Мне приходится еще докладывать деньги, не то что зарабатывать. И если я забочусь о том, чтобы у моих ткачей всегда была работа, то я хочу, чтобы вы это понимали и благодарили меня. Товару лежат тысячи тюков, и я сегодня еще не знаю, будет ли он распродан. Вы, конечно, слышали, что много ткачей сидит без работы? И вот... Впрочем, Пфейфер вам все это растолкует. А дело очень просто: вы должны понять, что намерения у меня добрые... Разумеется, я не могу раздавать милостыню. Для этого я недостаточно богат. Но я могу — до известного предела — дать безработным возможность кое-что заработать. Конечно, я иду на огромный риск, но это уж мое дело. Я говорю себе: если человек каждый день зарабатывает на кусок хлеба, то это уже кое-что. Это намного лучше, чем голодать. Разве я не прав?

Много голосов. Да-да, господин Дрейсигер.

Дрейсигер. Я готов предоставить работу еще двум сотням ткачей. Пфейфер скажет вам, на каких условиях. *(Собирается уходить.)*

Первая ткачиха *(преграждает ему путь, говорит что-то страшно быстро, настойчиво, умоляюще)*. Все-милостивый господин Дрейсигер, покорнейше прошу вас. может быть, вы... Я уже два раза болела...

Дрейсигер *(торопясь)*. Поговорите с Пфейфером, голубушка, я и так запоздал. *(Отходит от нее.)*

Ткач Рейман *(тоже преграждает ему путь и говорит с нотой обиды и обвинения)*. Господин Дрейсигер, я на самом деле вынужден жаловаться. Господин Пфейфер меня... Ведь я же всегда получал за свой товар двенадцать с половиной монет...

Дрейсигер *(прерывает его)*. Там сидит приемщик. Обратитесь к нему. Это его прямое дело.

Ткач Гейбер *(тоже останавливает Дрейсигера)*. Милостивый господин Дрейсигер! *(Заикаясь и со страшной быстротой.)* Я покорнейше прошу вас... может быть, господин Пфейфер... может быть...

Дрейсигер. Чего вы хотите?

Ткач Гейбер. Деньги, что я в последний раз забрал вперед, и так как я...

Дрейсигер. Не понимаю, что вы хотите?

Ткач Гейбер. Нужда меня прижала, потому что...

Дрейсигер. Это дело Пфейфера. Пусть разберется. Я, право, ничего не могу сделать... Договоритесь с Пфейфером. *(Поспешно уходит в контору.)*

Просители беспомощно переглядываются. Все они, вздыхая, постепенно расходятся.

Пфейфер *(снова начинает приемку)*. Ну, Анна, ты что принесла?

Старый Баумерт. Сколько же будут платить за кусок, господин Пфейфер?

Пфейфер. Десять зильбергрошей за кусок.

Старый Баумерт. Ну, это еще куда ни шло!

Среди ткачей движение, шушуканье и ропот.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комнатка безземельного крестьянина Вильгельма Анзорге в Кашбахе, в Эйленгебирге.

В тесном помещении едва в шесть футов высоты с выщербленным полом и черным закопченным бревенчатым потолком сидят за ткацкими станками две молодые девушки, Э м м а и Б е р т а Б а у м е р т. М а т у ш к а Б а у м е р т, разбитая параличом старуха, сидит на табуретке возле кровати, перед ней мотальное колесо. Сын ее А в г у с т, двадцати лет — идиот. У него маленькое туловище, маленькая голова и длинные, как у паука, конечности. Он сидит на низкой скамеечке, перед ним тоже мотальное колесо. Через два маленьких оконца на левой стене, частью заклеенных бумагой и заткнутых соломой, пробивается слабый розоватый вечерний свет. Он падает на неубранные белокурые волосы девушек, на их непокрытые худые плечи, на тонкие, бледные, как воск, шеи, на складки грубых рубашек на спине. Эти рубашки да короткие юбки из грубейшего полотна — единственная одежда девушек. Свет падает также на лицо, шею и грудь старухи: у нее худое лицо — одни кости, сморщенное, с бескровной кожей, с пустыми водянистыми глазами, воспаленными от шерстяной пыли, дыма и работы при свете лампы; у старухи большой зуб и длинная жилистая шея — вся в складках; грудь впалая, прикрытая полинялыми тряпками и платками. Освещена также та часть правой стены, где стоит печь с лежанкой, кровать и несколько ярко расписанных ликов святых. На веревке сушится тряпье, за печью сложен старый хлам, потерявший всякую цену. На скамье у печи стоят старые горшки и прочая утварь, на бумаге разложены для сушки картофельные очистки. С потолка свешивается пряжа и мотовило, около ткацких станков стоят коробки со шпулями. На задней стене низкая, не запирающаяся дверь. — Возле вязка ивовых прутьев. Тут же несколько дырявых корзин. Грохот станков, ритмическое гудение набилок, от которых сотрясаются пол и стены, жужжание и гудение челнока, бегающего взад и вперед, — все эти звуки да еще шум мотальных колес, напоминающий жужжание больших шмелей, заполняют помещение.

М а т у ш к а Б а у м е р т (говорит жалобно, усталым голосом, когда девушки на мгновение перестают рабо-

тать, нагнувшись над тканью). Что, опять надо завязывать узлы?

Э м м а (старшая, двадцатидвухлетняя дочь, связывает разорвавшиеся нитки). Ну и нитки!

Б е р т а (пятнадцати лет). Намучаешься тут с этакой основой!

Э м м а. Где же он, в самом деле, застрял? Ведь он ушел еще в девять утра.

М а т у ш к а Б а у м е р т. Ну да, да! Где же он, в самом деле, застрял, девочки?

Б е р т а. Да ты не волнуйся, мама.

М а т у ш к а Б а у м е р т. Вот так всю жизнь: одни волнения и страхи!

Эмма снова принимается за работу.

Б е р т а. Подожди, Эмма.

Э м м а. Что случилось?

Б е р т а. Мне показалось, что кто-то идет.

Э м м а. Это, наверно, Анзорге вернулся домой.

Ф р и ц (маленький, босоногий, одетый в лохмотья четырехлетний мальчик, входит плача). Мама, я есть хочу.

Э м м а. Погоди, Фрицль, погоди немного. Дедушка скоро вернется и принесет хлеб и кофе.

Ф р и ц. Mamочка, мне так хочется есть.

Э м м а. Я сказала тебе! Ты ведь не глупенький. Он скоро придет и принесет вкусный хлеб и кофе, и мы все сядем за стол, и мама соберет картофельные очистки, и снесет лавочнику, и он даст за них кувшинчик пахтанья для Фрица.

Ф р и ц. Куда же ушел дедушка?

Э м м а. К фабриканту. Отнес пряжу, Фрицль.

Ф р и ц. К фабриканту?

Э м м а. Да-да, Фрицль. К Дрейсигеру, что в Петерсвальдау.

Ф р и ц. И ему там дадут хлеб?

Э м м а. Да-да. Он там получит деньги и купит хлеба.

Ф р и ц. А много денег дадут дедушке?

Э м м а (сердито). Да отстань ты! (Продолжает ткать, как и Берта, но скоро снова прерывает работу.)

Берта. Август, поди попроси Анзорге, чтобы он зажег свет.

Август уходит вместе с Фрицем.

Матушка Баумерт (*в непреодолимом детском страхе, почти визгливо*). Дети, дети, куда же девался отец?

Берта. Видно, он зашел к Гауфу.

Матушка Баумерт (*плачет*). А если он засел в кабаке?

Эмма. Да не плачь, мама. Ведь наш отец не из таких.

Матушка Баумерт (*вне себя от обступивших ее страхов*). Ну вот, ну вот... что же теперь будет? Что будет, если... если он все пропил и ничего не принесет домой, а дома нет ни щепотки соли, ни куска хлеба. А топлива осталась одна горсточка...

Берта. Успокойся, мама. Теперь новолуние. Мы сходим в лес с Августом и соберем сучьев.

Матушка Баумерт. Как же! Еще наскочите на лесника, и он заберет вас!

Анзорге (*старый ткач богатырского сложения, который должен низко согнуться, чтобы войти в комнату. Просовывает голову и верхнюю часть туловища в дверь. Волосы на голове и борода у него всклокочены*). В чем дело?

Берта. Зажгли бы свет!

Анзорге (*приглушенно, как в присутствии больного*). Еще рано. На дворе светло.

Матушка Баумерт. Что ж, ты нас в темноте держать будешь?

Анзорге. У меня есть еще другие дела! (*Уходит.*)

Берта. Вот видите, какой он скупой!

Эмма. Сиди тут и жди, пока ему вздумается зажечь огонь.

Фрау Генрих (*входит. Ей тридцать лет, и она беременна. На изможденном лице забота и страх*). Добрый вечер всем вам.

Матушка Баумерт. Ну, Генрихен, что у тебя нового?

Фрау Генрих (*прихрамывая*). Я наступила на черепок и вогнала его в ногу.

Берта. Иди сюда, присядь! Я попробую вынуть его.

Фрау Генрих садится. Берта становится перед ней на колени и осматривает ступню.

Матушка Баумерт. Как дела дома, Генрихен?

Фрау Генрих (*в отчаянии*). Уж так плохо, так плохо, что и сказать не могу. (*Тщетно борется со слезами и беззвучно плачет.*)

Матушка Баумерт. Куда лучше было бы, Генрихен, если бы господь бог сжалился над нами и прибрал нас всех к себе.

Фрау Генрих (*не владея больше собой, плачет навзрыд*). Мои бедные дети умирают с голоду! (*Вскликивает и пронзительно кричит.*) Я совсем голову потеряла. За что ни берешься, куда ни кинешься, ничего не выходит. Так и околеешь. Я уж сама едва дышу. А что будет дальше? Девять голодных ртов! Как их накормишь? Чем? Вчера вечером я раздобыла кусочек хлеба. Едва хватило на двух самых маленьких. Кому мне было дать его, а? Все кричат: мамочка, мне, мамочка, мне... Нет, нет! А ведь я еще на ногах, что будет, когда придет время рожать? И картошку водой смыло. Нечего в рот взять.

Берта (*вынула осколок и промыла рану*). Теперь давай обвяжем тряпочкой. (*Эмме.*) Найди что-нибудь!

Матушка Баумерт. И нам живется не легче, Генрихен.

Фрау Генрих. У тебя по крайней мере твои девочки! Да и муж работает. А ведь мой на прошлой неделе опять свалился. Его так трясло и кидало, я уж и не знала, что делать от страха. А после этого припадка он снова на неделю съяжет.

Матушка Баумерт. Да и мой старик уже совсем плох. Только возьмется за что-нибудь, и готов. Болит грудь и поясница. И деньги все проели, сидим без гроша. Если он сегодня не принесет несколько грошей, то я не знаю, что с нами будет.

Эмма. Поверь нам, Генрихен, и мы уже дошли до

точки. Сегодня отец взял с собой нашу собачку Ами, хотел прирезать ее. Надо же чем-нибудь набить брюхо.

Фрау Генрих. А может быть, у вас найдется горсточка муки?

Матушка Баумерт. О нет, Генрихен, в доме нет даже щепотки соли.

Фрау Генрих. Ну, тогда я не знаю, как быть! *(Встает, но не уходит, глухо бормочет.)* Не знаю, не знаю! Ничего, значит, не поделаешь! *(Гневно кричит.)* Я рада была бы хоть очисткам каким-нибудь! С пустыми руками я не вернусь домой. Не могу! Да простит меня бог! Но какой же у меня другой выход? *(Хромяя и наступая только на пятку, быстро уходит.)*

Матушка Баумерт *(предостерегающе кричит ей вслед)*. Генрихен, Генрихен! Не натвори каких-нибудь глупостей!

Берта. Да она ничего не сделает. Не верь ей.

Эмма. Она всегда так. *(Снова садится за станок и работает несколько минут.)*

Август выступает вперед и светит сальной свечкой отцу, старику Баумерту, который едва дотащился с узлом пряжи.

Матушка Баумерт. Боже милостивый! Что ты так долго, отец?

Старик Баумерт. Ну, ты тоже не из быстрых. Дай сначала отдышаться. Смотри, кого я тут привел.

Егер *(входит, пригнувшись, в комнату. Стройный, среднего роста, краснощекий солдат в запасе, в гусарской шапке набекрень. Одет опрятно, в целых сапогах, в чистой рубашке без воротника. Войдя, берет под козырек, щелкает каблуками. Затем говорит развязно)*. Добрый вечер, тетушка Баумерт!

Матушка Баумерт. Ну вот, ну вот! Ты опять дома? Еще не забыл нас? Присаживайся. Входи же, садись.

Эмма *(придвигает деревянный стул и обтирает его юбкой)*. Здравствуй, Мориц. Вздумал снова поглядеть, как живут бедные люди.

Егер. Подумать только, Эмма! Я просто не поверил. У тебя уже сын, который скоро сможет пойти в солдаты. Откуда он у тебя взялся?

Берта (*берет у отца те немногие продукты, что он принес, кладет мясо на сковороду, засовывает ее в печь, а Август в это время разводит огонь*). Ткача Фингера знаешь?

Матушка Баумерт. Он жил тут у нас в камерке. Хотел на ней жениться, но он уже тогда все жаловался на грудь. Я говорила ей, да разве девчонка когда послушает? Теперь он давно на том свете, а она вот мается с ребенком. Ну скажи, Мориц, ты-то как живешь?

Старый Баумерт. Что ему делается? Такому — море по колено. Он просто смеется над нами. Вот вернулся, одет как князь, и серебряные часы при нем, да еще денег десять талеров.

Егер (*растопырив ноги, с хвастливым выражением лица*). Жаловаться не приходится. В солдатах мне жилось неплохо.

Старый Баумерт. Он служил денщиком у ротмистра. Ты только послушай, он и говорить стал как благородный!

Егер. Да, я так привык к благородным разговорам, что теперь даже не умею иначе.

Матушка Баумерт. Нет-нет, что вы скажете! А ведь какой лодырь был. А теперь вот — при деньгах! Ни на что не годился, не мог даже нитки для пряжи намотать. И все норовил убежать. То мышеловки ставил, то силки для красношеек. Только это и было тебе по душе. Разве не так?

Егер. Правильно, тетушка Баумерт. Но я ловил не только красношеек, я ловил и ласточек.

Эмма. А сколько раз мы говорили тебе, что ласточки ядовиты.

Егер. Мне было все равно. А вам как жилось, тетушка Баумерт?

Матушка Баумерт. О боже! Плохо, плохо жилось последние четыре года. Ломота замучила. Посмотри на мои пальцы. Не знаю, откуда пришла хвороба. На реке, что ли, простудилась. И так я мучаюсь, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. Никто не поверит, какие у меня боли.

Старый Баумерт. Ну, ей совсем плохо. Она долго не протянет.

Берта. Утром мы ее одеваем, вечером раздеваем. Кормим, как дитя малое.

Матушка Баумерт (*продолжает жалобным, плачущим голосом*). И все мне нужно подать и убрать после меня. Я не только больна, я еще и всем в тягость. Уж как я молила господа бога, чтоб он взял меня к себе! О Иисусе! Плохо, плохо мне! Просто не знаю... А люди, наверно, думают, что я ленива. А ведь я тружусь с детства, всегда справлялась с работой, и вот вдруг... (*Тщетно пытается приподняться.*) Ну никак, никак! Муж у меня хороший и дети хорошие, но как тяжело смотреть на них... Как выглядят девочки? Ни кровинки в лице. Белые как полотно. Все за станком да за станком. Что за жизнь у них? Весь год не сходят с табуреток, даже на тряпки себе не заработают, чтобы приодеться немного, показаться на люди. В церковь сходить или поразвлечься. Они же молодые... Пятнадцать и двадцать лет, а прямо как из петли вынуты.

Берта (*стоя у печки*). Опять печка дымит!

Старый Баумерт. Опять дымит. Ну вот и пораскинь умом, как горю пособить! А печка скоро развалится. Ничего не поделаешь. Дышим дымом да сажей. Все мы кашляем, кто сильнее, кто поменьше. Как нападет этот кашель, все нутро выворачивает. А кому до этого дело?

Егер. Но ведь это дело Анзорге, печь он должен починить.

Берта. Да, как бы не так. Он и без того ворчит с утра до ночи.

Матушка Баумерт. Ведь мы у него много места занимаем.

Старый Баумерт. И, стоит только пикнуть, он тотчас же выгонит нас. Вот уже полгода, как мы ему не платим.

Матушка Баумерт. А ведь с достатком человек, мог бы милостивее быть.

Старый Баумерт. Да и у него ничего нет, мать. Ему тоже несладко живется, он просто молчит.

Матушка Баумерт. Ведь у него есть дом!

Старый Баумерт. Ну что ты за ерунду несешь? В доме ему не принадлежит и щепки.

Егер (*садится и вынимает из одного кармана трубку с красивыми кисточками, из другого — бутылку водки*). Да, так дальше продолжаться не может. Я с удивлением смотрю, как тут люди живут. В городах собакам — и тем лучше живется.

Старый Баумерт (*живо*). Вот-вот, и ты это понимаешь. А скажешь хоть слово, и в ответ тебе твердят одно: времена, мол, плохие.

Анзорге (*в одной руке у него глиняный горшок с супом, в другой — незаконченная плетеная корзинка*). Здравствуй, Мориц. Ты опять приехал. Как живешь?

Егер. Благодарствуйте, папаша Анзорге.

Анзорге (*сует горшок в печку*). Скажи пожалуйста. Выглядишь прямо как граф.

Старый Баумерт. Покажи ему часы. Он привез с собой новый костюм и десять талеров наличными.

Анзорге (*качает головой*). Так-так! Ну вот!

Эмма (*сыплет картофельные очистки в мешок*). Пойду снесу очистки. Может, дадут за них горшок снятого молока. (*Уходит.*)

Егер (*все смотрят на него с ожиданием и удивлением*). Помните, как вы меня, бывало, запугивали. То и дело причитали: «Попадешь в солдаты, узнаешь, по чем фунт лиха!» А вот, поди же, мне было неплохо в солдатах! Не прошло и полугода, как я получил нашивки! Главное — не лениться! Добиться чего-то! Я чистил сапоги вахмистру, скреб его лошадь, бегал за пивом. Я был расторопным и быстрым, как ласточка. И служба моя тоже не страдала: я ходил за тяжелыми орудиями — это была моя обязанность. И как у меня все блестяло! На конюшне я был первым, на смотру — первым, на коне — первым, а когда мы шли в атаку — марш-марш, боже милостивый, господи Иисусе, что тут было! Все ходуном ходило! Я не давал маху, нюх у меня был как у гончей. Я всегда говорил себе: тут тебе ничего не поможет, значит — держись, брат! И я брал себя в руки, и все шло как по маслу. И в один прекрас-

ный день ротмистр сказал перед всем эскадроном: «Вот это гусар! Таким ему и быть положено!»

Все молчат. Егер закуривает трубку.

Анзорге (*качает головой*). Да, повезло тебе! Ну да, ну да! (*Садится на пол, кладет возле себя ивовые прутья и начинает плести корзинку, держа ее между ног.*)

Старый Баумерт. Будем надеяться, что он принесет нам счастье. Что ж, выпьем, Егер.

Егер. Конечно, отец Баумерт. А как разопьем бутылку, пошлем за другой. (*Бросает на стол монету.*)

Анзорге (*глупо и удивленно хихикает*). Ну да, ну да, какие тут дела творятся... Шипит жаркое, на столе водка. (*Пьет из бутылки.*) Будь здоров, Мориц. Ну да, ну да!

Бутылка переходит из рук в руки.

Старый Баумерт. Хотя бы в праздник отвезти кусочек жареного мяса, а то ведь годы проходят, и не видишь его. Разве вот прибудет собака, как случилось месяц назад. А ведь такое не часто бывает в жизни.

Анзорге. Ты что, зарезал Ами?

Старый Баумерт. Она все одно подохла бы с голоду.

Анзорге. Ну да, ну да. Так-так!

Матушка Баумерт. А какая была милая обходительная собачка!

Егер. Вы все еще охотники до собачьего жаркого?

Старый Баумерт. О господи, только бы оно у нас не переводилось!

Матушка Баумерт. Да-да. Такой кусочек мяса весьма полезен.

Старый Баумерт. А ты что — разлюбил собачье мясо? Поживешь у нас, Мориц, опять появится аппетит на псину.

Анзорге (*вдыхая запах*). Ну да, ну да, так-так! Вкусное кушанье! Хорошо пахнет.

Старый Баумерт (*тоже вдыхает запах жареного*). Чистая корица, можно сказать.

Анзорге. Ну скажи нам, Мориц, — ведь ты человек бывалый, — станет нам, ткачам, когда-нибудь легче? Егер. Надо, конечно, надеяться.

Анзорге. Мы здесь не живем и не умираем. Худо нам, можешь мне поверить. А ведь бьешься как рыба об лед. И в конце концов сдаешься. Нужда пляшет, вышибает у нас крышу над головой и пол под ногами. Прежде, когда еще я стоял за станком, то перебивался кое-как, с грехом пополам. А вот теперь я уже больше года сижу без работы. Плести корзины — какое же это дело! Этим не проживешь. Плетешь до поздней ночи, а когда свалишься без сил да подсчитаешь, заработку-то один зильбергрош и шесть пфеннигов. Вот ты из образованных, так посуди сам: можно ли прожить на такие деньги? Да еще дороговизна какая! Я плачу три талера налога за дом, один талер поземельного налога, три талера арендной платы, а заработка у меня всего четырнадцать талеров! Значит, на весь год остается мне семь талеров. Изволь тут прокормиться, отопиться, одеться, обуться, починить и поштопать одежду... а квартира, а все прочее! Что ж удивительного, если не из чего платить проценты?

Старый Баумерт. Вот если бы кто-нибудь отправился в Берлин и рассказал королю, как нам живется!

Егер. Ничего не вышло бы, папаша Баумерт. И в газетах уже много писали об этом, но эти богачи, они умеют все так обернуть... Они перехитрят и лучших христиан.

Старый Баумерт (*качает головой*). Значит, и в Берлине на них управы нет!

Анзорге. Скажи, Мориц, неужели это возможно? Неужели никаких законов нет против них? Ведь вот я работаю до седьмого пота, так что кожа слезает с рук, а процентов уплатить не могу. Что же, лавочник отнимет у меня домик? Конечно, и он захочет получить свои денежки. Что же это будет? Неужели меня выгонят? (*Сквозь слезы.*) Ведь я тут родился, сорок лет мой отец сидел тут за ткацким станком... Он часто говорил матери: «Смотри, мать, если я помру, держись крепко за домик. Этот домик я кровью добыл. Каждый гвоздь

тут — бессонная ночь, каждая балка — год еды всухомятку!»! Казалось бы...

Егер. Эти люди последнюю рубашку с тебя снимут! На это они горазды!

Анзорге. Ну да, да! Ну так, так! Если дойдет до этого, пусть уж лучше они меня мертвым вынесут из дома, чем на старости лет мне остаться без крова. А смерть — что ее бояться? Отец мой тоже был рад умереть. В самую последнюю минуту ему стало страшновато, но я забрался к нему в кровать, и он успокоился. Как вспомнишь... я был тогда мальчишкой тринадцати лет. Устал я и заснул возле больного отца. Что я тогда понимал? А когда проснулся, он уже совсем остыл.

Матушка Баумерт (помолчав). Загляни в печь, Берта, и дай Анзорге суп.

Берта. Вот суп. Ешь, дедушка Анзорге.

Анзорге (ест, сквозь слезы). Ну-ну, так-так!

Старый Баумерт ест мясо прямо со сковороды.

Матушка Баумерт. Отец, отец, да потерпи же! Пусть Берта подаст мясо к столу.

Старый Баумерт (жуя). В последний раз я причащался два года назад и вскоре продал сюртук, в котором ходил в церковь. На вырученные деньги мы купили кусок свинины. С тех пор я не ел мяса.

Егер. Зачем нашему брату мясо? Это еда для фабрикантов, жир у них уже из горла прет. А кто не верит, пусть сходит в Билау или в Петерсвальдау, там-то он насмотрится! Все дворцы да дворцы фабрикантов. Один дворец за другим. Зеркальные стекла, башни, железные ограды. Нет-нет, там никто и не слыхивал о плохих временах. Там хватает и на жаркое и на пироги, на экипаж и на дрожки, на гувернанток и черт знает на что. А как они кичатся! Они уж сами не знают, что бы еще придумать, так они богаты, так бесятся с жиру.

Анзорге. В прежнее время все было по-другому: фабриканты сами жили и давали жить ткачам. А нынче они все загребают себе. А отчего это? Да все оттого, думается мне, что богатые не верят больше ни в бога, ни в черта. Они забыли заповеди, забыли про

кару божью. Вот они и крадут у нас последний кусок хлеба и забирают все, что могут. От них все несчастье. Будь наши фабриканты хорошие люди, мы бы не знали, что такое плохие времена.

Егер. Послушайте, я вам прочитаю кое-что интересное. *(Вынимает из кармана несколько листков бумаги.)* Август, беги в трактир, принеси еще кварту водки. Да ты чего все смеешься, Август?

Матушка Баумерт. Не знаю, что с этим мальчиком. Он всегда смеется. Что бы ни случилось, он знает себе — заливаётся. Ну живее, живее!

Август уходит с пустой бутылкой.

Ну что, старик? Жаркое пришлось тебе по вкусу?

Старый Баумерт *(жуя, веселый и возбужденный от питья и еды)*. Мориц, вот ты — наш человек! Ты умеешь писать и читать, ты знаешь, как живется ткачам. У тебя доброе сердце. Ты нас жалеешь. Заступился бы ты за нас, а?

Егер. Ну и что же? Я не отказываюсь. Этим мерзавцам фабрикантам я с удовольствием покажу, где раки зимуют. Я человек обходительный, но если выйду из себя и разгневаюсь, то схвачу Дрейсигера одной рукой, а Дитриха другой и так стукну их головами, что у них искры посыплются из глаз. Нам нужно только одно — крепко держаться друг за дружку, и тогда мы такую взбучку задали бы фабриканту... И без короля справились бы и без правительства. Мы просто заявили бы: «Мы хотим того-то и того-то, а того и того не хотим», и тогда они запели бы совсем по-другому. Когда они поймут, что и у нас есть голова на плечах, они сразу пойдут на попятную. Знаю я этих негодяев. Трусливые людишки!

Матушка Баумерт. А ведь это в самом деле так. Я женщина не злая, я всегда говорила, что и богатые должны быть на свете, но когда они совсем уж совесть забыли...

Егер. По мне, пусть бы их всех черт побрал! Этой породы мне не жалко.

Берта. Где отец?

Старый Баумерт незаметно вышел.

Матушка Баумерт. Не знаю, куда он девался.

Берта. А вдруг ему стало плохо от мяса, ведь он отвык от него.

Матушка Баумерт (*вне себя, плачет*). Вот видите, вот видите! Даже удержать съеденное неспособна. И вся эта чудная еда не пойдет ему впрок!

Старый Баумерт (*возвращается, плачет от досады*). Нет-нет, мне уже совсем конец пришел! Они меня доконали. Ведь вот, в кои веки съел что-то вкусное, так и то не удержишь в себе! (*Садится на лежанку и плачет.*)

Егер (*внезапно в ярости, фанатично*). И тут же рядом с тобой судейские крючки, кровососы и паразиты круглый год ничего не делают! Только у господ бога они воруют, да еще утверждают, что ткачам жилось бы сытно и хорошо, не будь они так ленивы.

Анзорге. Да ведь это не люди. Это изверги!

Егер. Ну ладно, мы им устроим праздник. Мы с рыжим Беккером договорились и напоследок, прежде чем уйти, еще споем им «Кровавую баню».

Анзорге. О господи, господи! Это та самая песня?

Егер. Да-да, вот она!

Анзорге. Ее, кажется, окрестили «Дрейсигеровой песней»?

Егер. Я прочту ее вам.

Матушка Баумерт. А кто ее сочинил?

Егер. Этого никто не знает. Ну, слушайте! (*Читает, как ученик, по складам, с неправильными ударениями, но с сильным чувством; в его чтении чувствуются отчаяние, боль, гнев, ненависть, жажда мести.*)

«Здесь в городке свершают суд
Страшней, чем суд негласный:
Сперва убьют, потом прочтут
Свой приговор ужасный.

Здесь жгут на медленном огне,
Здесь камера всех пыток,
Здесь стон кругом, как на войне,
Свидетель слез пролитых»¹.

¹ Стихи в пьесе переведены В. Казиним.

Старый Баумерт (*потрясенный словами песни и глубоко взволнованный, все время пытается перебить Егера. Наконец его прорывает; заикаясь, плача и смеясь, он обращается к жене*). «Здесь камера всех пыток!» Кто придумал эти слова, мать, тот сказал сущую правду! Да, ты можешь подтвердить это... Как там сказано? «Здесь стон кругом». «Стон кругом...». Не сосчитать этих стонов!

Егер. ...«свидетель слез пролитых»...

Старый Баумерт. Да, ты-то хорошо знаешь, что мы не перестаем стонать. Стоим ли, лежим ли...

Егер (*продолжает читать, в то время как Анзорге, отложив работу, сидит глубоко потрясенный, а матушка Баумерт и Берта то и дело утирают глаза*).

«Здесь дрейсигеры — палачи,
Подручные — их слуги.
И каждый мучит днем, в ночи.
А чтоб помочь, подлюги!

И вы, отродья сатаны...»

Старый Баумерт (*в страшном гневе стучит ногами по полу*). Да, сатанинское отродье!

Егер (*продолжает*).

«...И вы исчадья ада,
Нас грабите, хоть мы бедны!
Проклятье — вам награда».

Анзорге. Ну да, ну да, они заслуживают проклятья!

Старый Баумерт (*сжимает кулаки, грозно*). «Нас грабите, хоть мы бедны!»

Егер (*читает*).

«Напрасны и мольба и стон.
В ответ вы лишь кричите:
— Мы вам не по душе? Так вон!
Мол, с голодухи мрите!»

Старый Баумерт. Как там сказано: «Напрасны и мольба и стон». Каждое слово... правда, как в Библии... Тут не помогут никакие просьбы, никакие мольбы.

Анзорге. Ну да, ну да! Так-так, тут ничего не по-
может.

Егер *(читает)*.

«Представьте горе бедняка,
Подумайте-ка малость:
Ведь дома хлеба ни куска.
Ну, это ли не жалость?»

Вам жалость, варвары, чужда.
Вы не такой природы.
Одна лишь цель у вас всегда:
Содрать с нас по три шкуры».

Старый Баумерт *(вскакивает в ярости)*. По три шкуры и последнюю рубашку! Вот я тут перед вами, Роберт Баумерт, мастер — ткач из Кашбаха. Кто может выступить и сказать... Я всю жизнь был честным человеком, и что же? Что дала мне моя честность? На кого я похож? Что они из меня сделали? «Здесь жгут на медленном огне!» *(Протирает руки вперед.)* Вот смотрите, троньте мои руки: кожа да кости! Негодяи, сатанинские отродья! *(Падает на стул, плачет от отчаяния и горя.)*

Анзорге *(швыряет корзину в угол, встает, весь дрожа от гнева, и как бы с трудом произносит)*. Все это надо сломать, говорю я вам. Немедленно! Нельзя больше терпеть! Нельзя терпеть! Будь что будет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Распивочная в трактире в Петерсвальдау. Большое помещение, бревенчатый потолок подпирается посередине деревянным столбом, вокруг него — стол. Направо от столба в задней стене входная дверь. Через нее можно видеть, что делается в сенях, где стоят бочки и утварь для варки пива. В глубине, направо от двери, буфетная стойка: деревянная перегородка в человеческий рост с полками для трактирной посуды, еще глубже — стенной шкаф, в котором много бутылок с напитками. Между перегородкой и шкафом местечко для хозяина. Перед буфетной стойкой стол, покрытый пестрой скатертью. Над столом красивая лампа, вокруг стола — плетеные стулья. Неподалеку, справа, дверь с надписью «Вина» ведет в комнату для почетных гостей. Еще дальше большие стенные старинные часы. Слева от входной двери у задней стены — стол с бутылками и стаканами, а в углу изразцовая печь. На левой боковой стороне три небольших окна, под ними скамья, перед скамьей — у каждого окна по деревянному столу. Вдоль столов скамейки со спинками, у конца каждого стола по деревянному стулу. Большая комната выкрашена в голубую краску и завешана рекламами, пестрыми лубочными картинами и олеографиями. Среди них — портрет Фридриха Вильгельма IV.

Шольц Вельцель, добродушный гигант за 50 лет, нацеживает у буфета в кружку пиво из бочки. Фрау Вельцель глядит у печки. Это видная, опрятно одетая женщина лет тридцати пяти. Анна Вельцель, хорошенькая девушка с чудесными рыжеватыми волосами, в аккуратном платье, сидит за накрытым столом и вышивает. Она на мгновение отрывается от работы и прислушивается: издали доносятся звуки похоронного хора, который поют школьники. За тем же столом сидит в рабочей одежде столяр Виганд, перед ним — кружка баварского пива. Этот человек знает, что требуется для того, чтобы добиться цели: это, на его взгляд, расторопность, хитрость, и полная беззастенчивость. Тут же сидит коммивояжер и с большим аппетитом ест немецкий бифштекс. Он среднего роста, откормленный, живой, веселого нрава, развязный. Одет с иголки. Все его дорожные вещи — портфель, чемодан с образцами, зонтик, пальто и плюшевый плед — лежат на стульях возле него.

Вельцель (*поднося коммивояжеру кружку пива, обращается к Виганду*). Черт знает, что сегодня творится в Петерсвальдау.

Виганд (*резким, громким голосом*). Сегодня ведь день сдачи товара у Дрейсигера.

Фрау Вельцель. Но прежде никогда не бывало такого оживления.

Виганд. Может, потому такой шум, что он решил взять на работу двести новых ткачей?

Фрау Вельцель (*продолжая гладить*). Да-да. Вероятно, так и есть. Требуется двести ткачей, а придут, конечно, все шестьсот. Этих людей у нас хватает.

Виганд. О господи, их-то хватает. И ведь как им ни плохо, они не вымирают! Рожают детей больше, чем нужно.

Хорал на мгновение слышен более отчетливо.

Кроме того, сегодня еще и погребение. Ткач Фабих наконец умер.

Вельцель. Долго он канителился. Поди, больше года тенью ходил.

Виганд. Поверишь ли, Вельцель, гробик такой крохотный, такой маленький, какого мне еще никогда не приходилось сколачивать. И трупик-то едва весил девяносто фунтов.

Коммивояжер (*жует*). Непонятно... Посмотришь в газету — и читаешь одни страшные истории о нищих ткачах; и кажется, что люди тут уже на три четверти вымерли. А когда видишь такие похороны... Я как раз въезжал в деревню. Духовой оркестр, школьный учитель, школьники, пастор и целая орава людей. Можно подумать, что хоронят китайского императора! Если у людей хватает денег на такие похороны... (*Пьет свое пиво. Поставив кружку на стол, вдруг игриво спрашивает у девушки.*) Разве я не прав, фрейлейн?

Анна смущенно смеется и снова усердно принимается за вышивание.

Вы, наверное, вышиваете домашние туфли для папаши?

Вельцель. Очень мне нужно надевать на ноги такое добро!

Коммивояжер. Ну вот, а я бы много отдал за то, чтоб эти туфли вышивались для меня!

Фрау Вельцель. Мой муженек в таких вещах ничего не смыслит.

Виганд *(кашляет несколько раз, двигает стулом, наконец решает вмешаться в разговор)*. Вас, уважаемый, удивляют похороны? Но это лишь небольшое скромное торжество. Разве не так, милочка?

Коммивояжер. Да вот я и спрашиваю себя. Ведь похороны стоят сумасшедших денег. Откуда у людей деньги?

Виганд. Осмелюсь вмешаться, сударь, но, видите ли, здесь так принято. Разрешите сказать... Здешняя беднота, смею сказать, весьма почитает умерших родственников. А если к тому же помирают родители, то люди собирают последнее, что есть, — так уж тут повелось — среди самых близких родных и наследников. И если все же денег не набирается, сколько потребно, то занимают у богачей и влезают по уши в долги. Задолжают его преподобию пастору, задолжают причетнику и всем прочим людям, причастным к этому делу. А поминки с питьем и яствами... Ну да, конечно, почтение к родителям... тут ничего не скажешь... но зачем же, чтобы тебя потом всю жизнь заедали долги.

Коммивояжер. Позвольте, но ведь пастор должен был бы им это разъяснить.

Виганд. Простите великодушно, сударь, позвольте вам указать, что у каждой маленькой общины есть своя церковь и община содержит его преподобие, своего духовного пастыря. От таких вот торжественных похорон духовному сану перепадает кое-какой доходец. И, чем многочисленнее похороны, тем больше подношений духовенству. Тот, кто знаком со здешними условиями, может смело сказать, что господам пасторам совсем не по нутру скромные похороны.

Горниг *(входит. Старик, небольшого роста, с кривыми ногами, через плечо и грудь перекинута лямка, на ней — кошелка. Собирает тряпье)*. Здравствуйте, здравствуйте! Дозвольте рюмочку. Как насчет тряпок? А, фрейлейн Анна? У меня в тележке чего только нет! Красивые ленты для кос, для сорочек! Какие подвязки, заколки, брошки, шпильки, крючки да петли! За несколько тряпочек все отдам! *(Другим тоном.)* А из тряпок срабо-

тают красивую бумажку, и дружок напишет на ней письмецо!

Анна. О, благодарю вас, я не нуждаюсь в дружке!

Фрау Вельцель *(меняет утюг)*. Вот какова моя дочка! О замужестве и слышать не хочет.

Коммивояжер *(вскакивает, видимо, радостно удивлен, подходит к столу, покрытому скатертью, и протягивает Анне руку)*. Вот это приятно слышать, фрейлейн. По рукам, что ли? Вашу лапку! Мы оба останемся холостыми.

Анна *(густо покраснев, протягивает ему руку)*. Вы ведь уже женаты?

Коммивояжер. Боже сохрани! Вы решили так потому, что я ношу обручальное кольцо? Это я только для виду! Чтоб ко мне не приставали! Уж очень охотятся за моей приятной персоной. Но вас я не боюсь. *(Снимает кольцо и сует его в карман.)* Серьезно, фрейлейн, вы так-таки не хотите замуж? Ни чуточки?

Анна *(качает головой)*. Нет-нет.

Фрау Вельцель. Она не пойдет замуж, если только не подвернется что-нибудь особенное!

Коммивояжер. А почему бы и нет? Ведь вот один богатый силезский магнат женился на горничной своей матери, а богач фабрикант Дрейсигер взял в жены дочь трактирщика! А куда ей до вас с вашей красотой, фрейлейн. Теперь она разъезжает в экипаже с ливрейным лакеем. Всякое бывает. *(Ходит взад и вперед по комнате, потягиваясь и разминая ноги.)* Нельзя ли чашку кофе?

Входят Анзорге и старый Баумерт, у каждого по тюку ткани. Они тихонько садятся возле Горнига у переднего стола, слева.

Вельцель. Добро пожаловать! Папаша Анзорге, тебя ли я опять вижу?

Горниг. Выполз-таки на свет божий из своей закопченной дыры?

Анзорге *(беспомощно и смущенно)*. Опять взял у фабриканта пряжу.

Баумерт. Он согласен работать и за десять грошей.

Анзорге. Я бы ни за что не пошел на это, но плетением корзин не проживешь.

Виганд. Что ж, лучше десять зильбергрошей, чем ничего. Я хорошо знаю Дрейсигера, с неделю назад я выставлял у него вторые рамы. Мы тогда говорили об этом. Он идет на это, только жалеючи вас.

Анзорге. Ну да, ну да. Так-так.

Вельцель (*наливает ткачам по рюмке водки*). Подкрепитесь. Кстати, Анзорге, ты давно не держал в руках бритвы? Господин вояжер интересуется этим.

Коммивояжер (*вежливо*). Ах, господин хозяин, ведь я этого не говорил. Мастер бросился мне в глаза своим почтенным видом. Не каждый день встретишь такого богатыря.

Анзорге (*смущенно почесывает затылок*). Ну да, ну да. Так-так.

Коммивояжер. Редко встретишь теперь такое дитя природы! Все так прилизаны культурой! Но я люблю таких первобытных людей. Кустистые брови! Всклоченная борода!

Горниг. Видите ли, почтенный! Я должен вам сказать: у этих людей нет лишнего гроша для цирюльника, а уж бритву купить — об этом и разговора быть не может. Что растет, то растет. У них нет денег, чтобы наводить на себя красоту.

Коммивояжер. Что вы, что вы, дорогой мой, разве я... (*Тихо, хозяину.*) Не предложить ли этому лохматому кружку пива?

Вельцель. Нет-нет. Он не возьмет, он со странностями.

Коммивояжер. Нет так нет. Вы разрешите, фрейлейн? (*Присаживается к ее столу.*) Уверю вас, ваши волосы я заметил, как только вошел. Этот матовый блеск... мягкость... густота. (*В восхищении целует свои кончики пальцев.*) А цвет... как спелая пшеница! В Берлине вы произвели бы фурор своими волосами. Вы могли бы даже ко двору явиться. Parole d'honneur!¹ (*Откидывается на спинку стула, любуясь волосами девушки.*) Прелесть! Очарование!

Виганд. Потому-то ее и прозвали так.

Коммивояжер. А как ее прозвали?

¹ Честное слово! (*Франц.*)

Анна (*тихо смеется*). О, не слушайте его!

Горниг. Ведь вы лисичка, не так ли?

Вельцель. Да перестаньте! Ей уже и так голову вскружили! Чудит без конца. Сегодня подавай ей графа, а завтра и на князя глядеть не хочет.

Фрау Вельцель. Да ты не клевети на дочку, муженек. Разве это преступление? Человеку хочется подняться выше. Не все так думают, как ты. Да и ни к чему это. Никто тогда не продвинулся бы вперед, каждый оставался бы там, где он сидит. Если бы дед Дрейсигера тоже так думал, он остался бы нищим ткачом. А теперь — вон какой богач! А старик Тромтра тоже был бедный ткач, а сейчас у него двенадцать поместий, да еще в дворяне вышел.

Виганд. Правильно, Вельцель. Жена твоя правильно говорит. Я и сам того же мнения. Рассуждай я так, как ты, разве у меня было бы семь подмастерьев?

Горниг. Ну да, тебе пальца в рот не клади. Этого у тебя не отнимешь. Ткач еще на ногах стоит, а ты уже ему гроб сколачиваешь.

Виганд. Хочешь в жизни преуспеть, не зевай, гляди в оба.

Горниг. Да-да, ты и не зеваешь. Лучше доктора угадываешь, когда смерть придет за ребенком ткача.

Виганд (*уже не улыбаясь, с внезапным бешенством*). А тебе лучше, чем полиции, известно, кто из ткачей пьет, кто каждую неделю сбывает на сторону изрядную партию катушек. Ты всюду нос суешь: приходишь будто за тряпьем, а уносишь нитки. Да что тут говорить!

Горниг. А ты собираешь свой урожай на кладбище! Чем больше людей на тот свет отправляется, тем лучше для тебя. Когда ты видишь, как много детских гробиков, то хлопаешь себя по животу и говоришь: «Хороший был год, малыши мерли как мухи. Пожалуй, можно себе к концу недели и лишнюю квартиру позволить».

Виганд. Да, а все же я краденого не сбываю!

Горниг. Зато подмахнуть двойной счет богатому фабриканту или стибрить в темную ночь несколько досок со стройки у Дрейсигера тебе ничего не стоит.

Виганд (*поворачиваясь к нему спиной*). Уши вянут тебя слушать. Отстань от меня. (*Внезапно снова набрасывается на Горнига.*) Ах ты, лгун проклятый!

Горниг. А ты гробовщик. Покойниками кормишься!

Виганд (*обращаясь к присутствующим*). Он скот заговаривает!

Горниг. Эй ты, помалкивай! А то я тебя заговорю!

Виганд бледнеет.

Фрау Вельцель (*выходила из комнаты и вернулась с кофе для коммивояжера*). Может, вам подать кофе в комнату?

Коммивояжер. Что вы, что вы! (*Томно глядя на Анну.*) Я готов здесь сидеть до конца жизни!

Молодой лесник и крестьянин (*входят, у крестьянина в руках кнут*). Здравия желаем всем! (*Останавливаются у стойки.*)

Крестьянин. Две рюмки имбирной.

Вельцель. Добро пожаловать! (*Наполняет рюмки.*)

Оба пришедших берут рюмки, чокаются, пьют и ставят рюмки на стойку.

Коммивояжер. Ну что, господин лесник, большой обход сделали?

Лесник. Да, порядочный. Я сейчас вернулся из Штейнзейферсдорфа.

Входят первых два старых ткача и присаживаются за столик к Анзорге, Баумерту и Горнигу.

Коммивояжер. Извините, вы лесник графа Гохгеймера?

Лесник. Нет, я служу у графа Кейля.

Коммивояжер. Да-да, графа Кейля! Сколько тут у вас этих графов, и баронов, и сиятельств. Всех не упомнишь. А зачем у вас топор?

Лесник. Я отобрал его у браконьеров.

Старый Баумерт. Наши господа помещики не разрешают ведь даже щепки подобрать.

Коммивояжер. Помилуйте, а как же разрешать? Если бы каждый вздумал...

Старый Баумерт. Дозвольте сказать, здесь у нас дело обстоит так же, как и всюду: есть воры крупные и мелкие. Крупные — те оптом торгуют краденым лесом и наживаются. Но если бедняк ткач...

Первый старый ткач (*прерывает Баумерта*). Мы не смеем взять и хворостинки, а господ... Те не стесняются, да еще с нас последнюю шкуру сдирают... И чего только с нас не берут: городские сборы, ткацкий налог, а повинности натурой? Бегаем по всяким господским делам, отбываем барщину, хотим мы того или не хотим...

Анзорге. Да, дело обстоит так: чего фабрикант не успевает взять, то выкачивает из нашего кармана помещик.

Второй старый ткач (*присевший за столиком рядом*). Я это все сказал нашему помещику. Простите меня, господин граф, сказал я ему. В этом году я не могу отбывать столько дней барщины, никак не выходит. Почему? Да вот, извините, вода натворила много бед. Клочок поля затопило водой, день и ночь работаешь, чтобы не умереть с голоду. А какая была непогода. О люди, люди! Я стоял и ломал руки; мою кормилицу землю снесло с горы прямо к дому... А семена, милые, хорошие семена! О боже, боже! А я все стоял и смотрел в небо и целую неделю так плакал, что все глаза выплакал... А потом опять начал возить на гору землю — восемьсот тяжелых возов земли! Ну и мука была!

Крестьянин (*сердито*). Расхныкались! Охаете да ахаете! Что бог послал, то и терпи. А кто виноват, что вам плохо живется? Только вы сами. А как вы жили, когда дела шли хорошо? Все проигрывали и пропивали. Были бы у вас сбережения, было бы припасено на черный день, вы не крали бы ниток и не воровали лес.

Первый молодой ткач (*стоит в сенях с товарищами и говорит в дверь*). Мужик остается мужиком, как бы в господина ни рядился.

Первый старый ткач. Так оно и есть: теперь, видишь ли, что мужик, что помещик — одного поля ягоды. Если ткачу нужно жилье, мужик говорит: «Я дам тебе клетушку, живи, плати аренду, помоги убрать сено

и хлеб. А не хочешь — иди на все четыре стороны!»
Постучишься к другому — тот же ответ.

Старый Баумерт (*сердито*). Всякий рад с нас семь шкур содрать. (*Крикливо*.) Эх вы, голытьба! И на что вы только годитесь? Поле плугом вспахать умеете? Ровную борозду провести умеете? Или вскинуть на телегу десяток снопов? Ничего вы не умеете. Лентяи вы и лежебоки, да к своим бабам пришиты. Тоже люди! Какой толк от вас? (*Платит и уходит*.)

Лесник, смеясь, идет за ним.

Вельцель, столяр и фрау Вельцель громко смеются. Коммивояжер улыбается. Когда смех затихает, наступает тишина.

Горниг. Этот мужчина — что твой бык! Я, что ли, не знаю, какая тут всюду нужда! В деревнях пусто. Чего только не насмотришься там: люди лежат вповалку, по четверо, по пятеро, в чем мать родила, на одном соломенном мешке.

Коммивояжер (*вежливо, тоном упрека*). Позвольте-позвольте, о нищете в горных деревнях говорят разное. Если вы читаете...

Горниг. О, я все в газете прочитываю, не хуже вашего. Я-то знаю, как дела обстоят, я часто бываю у этих людей. Когда у тебя за плечами сорок лет, начинаешь кое-что понимать. А что было у Фулеров? Их дети рылись в мусоре вместе с соседскими гусями. Люди умирали голыми на полу. А что они ели? Вонючий клейстер. Голод косил людей сотнями.

Коммивояжер. Да, но если вы умеете читать, вам должно быть известно, что правительство распорядилось расследовать положение и что...

Горниг. Известно-известно. Вот является этакый господин от правительства. Все-то он знает лучше других, все выложит так, будто видел своими глазами. А на самом деле? Пошатался немного по деревне, вдоль ручья, где лучшие дома стоят. Он свои красивые городские ботинки не желает запачкать. Вот он и говорит себе: «Ну, хватит, — наверно, повсюду так; вот славно, можно и восвояси». Садится в экипаж, и был таков! А потом пишет в Берлин, что побывал в деревне и не заметил там никакой нужды. Но будь у него немножко

терпения и подымись он наверх в горы, туда, откуда бежит ручей, и отойди он чуть в сторону, где стоят лачужки — ветхие, закопченные, черные... так что и спички жаль их поджечь, — тогда он, наверно, написал бы в Берлин по-иному. Спросили бы меня господ, которых посылает это правительство!.. Не верят, что тут у нас горе и нищета. Уж я бы показал им кое-что, я раскрыл бы им глаза, и они увидели бы несчастные берлоги, где ютится нищий люд!

Снаружи доносится пение. Поют песню ткачей.

Вельцель. Опять эта чертова песня!

Виганд. Всю деревню мутят.

Фрау Вельцель. Будто зараза носится в воздухе.

В сени входят Егер и Беккер в обнимку, во главе целой ватаги молодых ткачей, и направляются в распивочную.

Егер. Эскадрон, стой! Спешиться!

Вошедшие направляются к разным столам, где уже сидят ткачи, и вступают с ними в разговор.

Горниг (*кричит Беккеру*). В чем дело, что случилось? Почему вы вваливаетесь сюда гурьбой?

Беккер (*многозначительно*). А может, что и случится, верно, Мориц?

Горниг. Бросьте! Не затевайте ничего.

Беккер. Кровь уже пролилась. Видишь? (*Засучивает рукав и показывает цирюльнику места от привитой оспы на предплечье. Другие делают то же самое.*) Мы ходили к Шмидту! Оспу прививали!

Горниг. Ну, теперь все ясно. Нечего удивляться, что на всех улицах такой галдеж. Раз такие молодчики шатаются по деревне!

Егер (*говорит громко, хвастливым тоном*). Ставь сразу две кварталы, Вельцель! Я плачу. Ты, наверно, думаешь, у меня нет денег? Много ты понимаешь! И водки напьемся, и кофе полакать можно, — хоть сиди тут до самого утра. Не хуже всяких прочих проезжих.

Молодые ткачи смеются.

Коммивояжер (с комическим удивлением). На кого это вы намекаете? На меня или на себя?

Хозяин, хозяйка и их дочка, столяр Виганд и коммивояжер смеются.

Егер. Всегда на того, кто спрашивает.

Коммивояжер. Извините, молодой человек, видно, у вас дела идут прекрасно?

Егер. Жаловаться не приходится. Я коммивояжер от фирмы готового платья. Я всегда в сделке с фабрикантом: все пополам. Чем больше голодает ткач, тем жирнее кушаю я. Чем больше он нуждается, тем вкуснее моя еда.

Беккер. Это ты хорошо сказал. За твое здоровье, Мориц.

Входит Вельцель, неся водку. Он идет к стойке, но вдруг останавливается и, флегматичный и тучный, оборачивается к ткачам; говорит спокойно и внушительно.

Вельцель. Оставьте этого господина в покое, он не сделал вам ничего дурного.

Голоса молодых ткачей. Да мы и не трогаем его.

Фрау Вельцель, обменявшись несколькими словами с коммивояжером, берет со стола чашку с остатками кофе и переносит ее в соседнюю комнату. Коммивояжер следует за ней. Ткачи громко смеются.

Голоса молодых ткачей. Господа дрейсигеры, эти палачи...

Вельцель. Тсс! Тсс! Горланьте где хотите, но под моей крышей я этого не потерплю.

Первый старый ткач. Он прав, перестаньте орать!

Беккер (кричит). Но мимо Дрейсигера мы пройдемся еще разок! Пусть еще раз послушает нашу песню!

Виганд. Смотрите, будьте осторожнее! Как бы чего не вышло!

Смех и крики: «Го-го!»

Старый Виттиг (седоволосый кузнец, без шапки, в кожаном фартуке и в деревянных башмаках, весь в саже. Он пришел прямо из кузницы и поджидает у

стойки, пока принесут водку). Да пусть их тешатся!
Собаки, которые лают, не кусаются.

Голоса старых ткачей. Виттиг, Виттиг!

Виттиг. Есть такой! В чем дело?

Голоса старых ткачей. А вот и Виттиг!

— Виттиг, Виттиг!

— Поди сюда, Виттиг!

— Присаживайся к нам!

— К нам, Виттиг!

Виттиг. Как бы не так, очень мне нужны такие дикари!

Егер. Поди сюда, распей с нами рюмочку!

Виттиг. Оставь при себе свою водку! Захочу выпить, сам заплачу. *(Берет свою рюмку и присаживается возле Баумерта и Анзорге. Хлопает Анзорге по животу.)* Какая уж еда у ткачей: капуста да лебеда!

Старый Баумерт *(возбужденно)*. Ну, а что... А что если им больше невтерпеж?

Виттиг *(с притворным удивлением уставился на ткача)*. Ну-ну-ну, Гейнерле, от тебя ли слышу? *(Смеется, не стесняясь.)* Послушать только: животики надорвешь! Старый Баумерт — бунтовщик! Вот это так! Вдруг взбунтуются портные да еще овцы, мыши, крысы! Божё милостивый, вот это так! *(Громко смеется.)*

Старый Баумерт. Послушай, Виттиг. Я такой, как прежде. Я и теперь говорю: лучше бы все уладить по-хорошему, добром.

Виттиг. Чепуха! Все пойдет своим чередом. Но не по-хорошему. Когда такие дела делались по-хорошему? Разве во Франции шло по-хорошему? Разве Робеспьер с богачами за ручку здоровался? Там знали одно: всех долой! Всех на гильотину! Так и должно быть! «Аллон, занфан!» Жареный гусь сам в рот не летит.

Старый Баумерт. Будь у меня хоть какие-нибудь крохи, чтобы перебиться...

Первый старый ткач. Мы дошли до крайности, Виттиг.

Второй старый ткач. Хоть не ходи домой. Работаете ли, спать ли ложитесь, всегда голод грызет.

Первый старый ткач. А дома и совсем терять голову.

А н з о р г е. Мне теперь уж все равно. Будь что будет.
Голоса старых ткачей (*все более взволнованно*). Нигде нет покоя!

— Мочи нет работать!

— У нас в Штейнкундендорфе один бедняга сидит целыми днями у ручья и моется. Так и сидит нагишом. Видно, свихнулся.

Третий старый ткач (*встает; он опьянел; заикаясь, грозя пальцем*). Есть суд на небе! Не ходите к богатым и знатным... Есть суд на небе! Господь Саваоф...

Кругом смеются, старика усаживают на стул.

Вельцель. Этому и рюмки нельзя пропустить. Тотчас язык заплетается...

Третий старый ткач (*снова вскакивает*). Ну да, ну да. В бога они не верят, для них нет ни ада, ни рая! Над религией только смеются...

Первый старый ткач. Успокойся, успокойся!

Беккер. Пускай говорит. А вдруг его слова проймают кого-нибудь!

Все (*сразу*). Дайте ему говорить! Не мешайте!

Третий старый ткач (*повысив голос*). Поэтому да раскроется пасть адова и поглотит всех, кто угнетает бедняков и творит насилие над несчастными, сказал господь.

Шум.

(*Внезапно начинает декламировать, как школьник.*)

«Полотнянщиков работу
Очень стыдно презирать,
Очень дико унижать!»

Беккер. Да, но мы-то бумазейщики.

Смех.

Горниг. Полотнянщикам живется еще хуже. Они бродят среди гор как привидения. У нас тут по крайней мере еще есть силы брыкаться.

Виттиг. А ты думаешь, что мы уже свою чашу горя испили? И ту каплю мужества, что осталась у нас, фабриканты тоже скоро вытравят.

Беккер. Ведь он же сказал: «Скоро ткачи и за корку хлеба будут работать».

Шум.

Голоса. Кто это сказал?

Беккер. Это сказал про ткачей Дрейсигер.

Молодой ткач. Повесить мерзавца!

Егер. Послушай, что я тебе скажу, Виттиг. Ты так много рассказывал о Французской революции. Так много толковал нам о ней. Может, и нам скоро представится случай узнать, кто среди нас болтун, кто честный человек?

Виттиг (*вспыльчиво*). Ну, ты, парень, помалкивай! Слышал ли ты, как свистят пули? Стоял ли ты с ружьем на изготовку во вражеской стране?

Егер. Ты, конечно, человек честный. Ведь мы товарищи. Я не хотел тебя обидеть.

Виттиг. Плевать мне на такое товарищество. Дурак набитый!

Входит жандарм Кутше.

Разные голоса. Тсс, тсс! Полиция!

Все кругом повторяют: «Тсс!» — пока не устанавливается порядок.

Кутше (*при полном молчании остальных садится за стол, покрытый скатертью*). Прошу рюмочку водки.

Молчание.

Виттиг. Что, Кутше, пришел поглядеть, как тут у нас?

Кутше (*не обращая внимания на Виттига*). Здравствуйте, мастер Виганд.

Виганд (*все еще у стойки*). Благодарствуйте, Кутше.

Кутше. Как дела?

Виганд. Благодарствуйте.

Беккер. Управляющий боится, как бы мы не залоснились от жира, ведь у нас такие большие заработки!

Смех.

Егер. Мы все наелись свинины с жирным соусом, клецками и капустой и вот запиваем шампанским.

Смех.

Вельцель. Похоже на то.

Кутше. На вас не угодишь, даже если дать вам жаркое и шампанское. У меня вот нет шампанского, а я живу, как видите.

Беккер (*намекая на нос Кутше*). Он поливает свой красный огурец водкой и пивом, и огурец отлично зреет.

Смех.

Виттиг. А ведь и у жандарма жизнь нелегкая: то нужно нищего голодного мальчика в тюрьму упрятать, то соблазнить красотку работницу, а то напиться до положения риз и так избить жену, что она от страха побежит к соседям. И еще есть занятие: гарцевать на коне или валяться под пуховиком до девяти утра. Что и говорить, трудная жизнь!

Кутше. Мели-мели! Договоришься! Давно известно, что ты за штука! Твои бунтарские речи уже до ландрата дошли, да и я кое-что о тебе знаю; того и гляди, своим пьянством доведешь жену и ребенка до богадельни, а самого себя до тюрьмы. Добром это не кончится.

Виттиг (*горько смеется*). Кто знает, чем кончится? Может, ты и окажешься прав. (*Гневно продолжает.*) Но, если что случится, я буду знать, кто донес на меня фабрикантам и господам и так опозорил и оклеветал, что мне не дают больше работы! Кто восстановил против меня крестьян и мельника — неделями ни одна душа не придет ко мне подковать коня, никто не заглянет, чтобы починить обруч на колесе! Я знаю, чьи это штуки. Однажды я стащил с лошади эту каналью, когда он стегал ремнем маленького несмышленища, который сорвал незрелую грушу. Так вот предупреждаю тебя: несдобровать тебе, если ты упрячешь меня в тюрьму. Пиши завещание! Если до меня дойдут какие-нибудь слухи, я схвачу в руки первое, что попадется, будь то подкова или молот, колесная ось или ведро, и найду тебя, где бы ты ни был — хоть из-под бока у тво-

ей жены вытащу тебя! И проломлю тебе череп. Я буду не я, если не сделаю этого. (*Вскакивает и хочет броситься на Кутше.*)

Старые и молодые ткачи (*хватают его*). Виттиг, Виттиг! Да опомнись же!

Кутше (*поднялся с места; он сильно побледнел. По мере того как развивается действие, он отступает к двери, и чем он ближе к выходу, тем храбрее. Последние слова он произносит на пороге, исчезая*). Что ты пристал ко мне? Ведь я тебя не трогаю. Я заглянул к здешним ткачам. Какое мне до тебя дело? Но вас, ткачей, я предупреждаю: господин начальник полиции запрещает вам петь вашу песню — «Песню о Дрейсигере», или как она там называется! И, если вы не перестанете горланить на улице, он постарается, чтоб вам жилось спокойнее на казенной квартире. Там, на хлебе и воде, пойте сколько вашей душе угодно. (*Уходит.*)

Виттиг (*кричит ему вслед*). Ничего он не может нам запретить! Даже если мы станем орать так, что будут дрожать окна и нас услышат в самом Рейхенбахе! И даже если от нашей песни потолок рухнет на головы фабрикантам и каски продавят головы всем полицейским! Никто не закроет нам рты!

Беккер (*тем временем встал, подал знак, чтоб все начали петь, и сам затянул*):

«Здесь в городке свершают суд
Страшней, чем суд негласный,
Сперва убьют, потом прочтут
Свой приговор ужасный».

Хозяин пытается заставить людей замолчать, но никто его не слушает. Виганд затыкает уши и уходит. Виттиг и Беккер показывают знаками, чтобы все уходило.

Ткачи (*поднимаются и уходят с песней*).

«Здесь жгут на медленном огне,
Здесь камера всех пыток,
Здесь стон кругом, как на войне,
Свидетель слез пролитых».

Следующую строфу ткачи поют уже на улице. В трактире поют только несколько парней, задержавшихся, чтобы расплатиться. К концу следующей строфы комната пустеет, в ней остаются только Вельцель с женой и дочерью, Горниг и старый Баумерт.

«И вы, отродье сатаны,
И вы, исчадь ада,
Нас грабите, хоть мы бедны.
Проклятье — вам награда».

Вельцель (*собирает кружки со столов*). Они совсем распоясались сегодня.

Старый Баумерт собирается уходить.

Горниг. Скажи-ка, Баумерт, что же это происходит?

Старый Баумерт. Люди хотят пойти к Дрейсигеру. Добиться хоть какой-нибудь прибавки. Вот и все.

Вельцель. А ты тоже собираешься участвовать в этих глупостях?

Старый Баумерт. Видишь ли, Вельцель, не от меня это зависит. Молодые иной раз забегают вперед, а нам, старикам, приходится их догонять. (*Слегка смущенный, уходит.*)

Горниг (*поднимается*). Не будет ничего удивительного, если дело обернется плохо.

Вельцель. Кто бы подумал, что старики, из которых труха сыплется, совсем потеряют разум!

Горниг. Каждый человек на что-то надеется.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Петерсвальдау. Квартира Дрейсигера. Кабинет владельца бумажной фабрики Дрейсигера. Роскошно меблированная комната в холодном стиле первой половины XIX века. Потолок, печи и двери белые. Обои серо-стального тона, в мелких цветочках. Мебель красного дерева с богатой резьбой, обтянута красным штофом, шкафы и стулья тоже красного дерева: направо между двух окон, занавешенных гардинами вишнево-красного цвета, стоит секретер, шкаф, передняя дверка которого опускается как штора, напротив диван, неподалеку от дивана железная касса. Перед диваном стол, вокруг него кресла и стулья. На задней стене шкаф с оружием. На этой стене, как и на остальных, висят плохие картины в золотых рамах. Над диваном — зеркало в позолоченной раме стиля рококо. Обыкновенная дверь налево ведет в прихожую. Из открытой двухстворчатой двери на задней стене видна гостиная, так же уютно и роскошно обставленная. В салоне две дамы: фрау Дрейсигер и фрау Киттельгауз, жена пастора. Они осматривают картины. В отдалении стоит пастор Киттельгауз, разговаривающий с домашним учителем — кандидатом теологии Вейнгольдом.

Киттельгауз (*приветливый человек небольшого роста; разговаривая и куря на ходу, входит вместе с учителем, который тоже курит, в первую комнату. Он оглядывается и, не замечая присутствующих, изумленно покачивает головой*). Тут нет ничего удивительного, господин кандидат: вы молоды; в вашем возрасте у нас, стариков, были если не точно такие, то подобные же взгляды. Да, во всяком случае, — подобные взгляды! Эти прекрасные идеалы и составляют очарование молодости, господин кандидат! Но, к сожалению, они мимолетны. Да, мимолетны, как апрельское солнце. Доживите до моих лет. Если вы тридцать лет подряд пять-

десять два раза в году, не считая праздников, обращаетесь с церковной кафедры к людям, то поневоле станете много уравновешеннее. Вы вспомните обо мне, когда доживете до моих лет, господин кандидат!

Вейнгольд (*девятнадцатилетний высокий молодой человек с гладкими светлыми волосами, бледный и худой. Беспokoйные и нервные движения*). При всем моем уважении к вам, господин пастор... Не знаю, право... Ведь бывают разные натуры...

Киттельгауз. Дорогой господин кандидат, какой бы мятежный дух ни обуревал вас (*тоном упрека*) — а вы мятежник! — и как бы рьяно вы ни выступали против существующих порядков, со временем все это уляжется. Да-да, я согласен с вами, еще встречаются и такие люди, которые, будучи уже в весьма почтенном возрасте, все же подвержены юношеским увлечениям. Один восстает против пьянства и организует общества трезвости, другой сочиняет страстные, хватающие за душу воззвания. Но чего этим достигают? Там, где среди ткачей есть нужда, она не уменьшается. А социальный мир, напротив, подрывается этим. Нет-нет, только и остается сказать: знай, сверчок, свой шесток. А ты, духовный пастырь, не пекись о желудке. Проповедуй слово божие, а все остальное предоставь тому, кто дарует кров и корм птичкам, не дает заглухнуть лилии в поле... Хотел бы я, однако, знать, куда вдруг исчез наш любезный хозяин?

Фрау Дрейсигер (*выступает вперед в сопровождении пасторши. Тридцатилетняя красивая женщина, видная и статная. Резко бросается в глаза несоответствие между ее жаргоном и манерами и элегантным богатым туалетом*). Вы правы, господин пастор. Вот Вильгельм всегда так! Придет ему в голову, он убегает, а я сижу тут одна! Уж как я его ни пробираю, а он все такой же.

Киттельгауз. Дорогая госпожа Дрейсигер, на то он деловой человек.

Вейнгольд. Если не ошибаюсь, там что-то произошло.

Дрейсигер (*входит в сильном возбуждении*). Ну, Роза, как кофе? Готов?

Фрау Дрейсигер (*обиженно*). Ты только и норовишь убежать.

Дрейсигер (*мимоходом*). Ничего ты не понимаешь?

Киттельгауз. Простите, у вас неприятности, господин Дрейсигер?

Дрейсигер. У меня, господин пастор, благодарение господу, каждый день неприятности. К этому не привыкать стать. Ну что, Роза? Как кофе?

Фрау Дрейсигер, недовольная, отходит, несколько раз дергая большую вышитую сонетку.

Вот только что... (*слегка запнувшись*). Господин кандидат, вам бы посмотреть на это! Вот удивились бы! Впрочем, сядем за вист.

Киттельгауз. Да-да. Вы правы. Стряхните с себя заботы дня и посидите с нами.

Дрейсигер (*подходит к окну, отдергивает гардины и выглядывает на улицу. Неожиданно*). Вот она — банда! Роза, поди сюда!

Она подходит.

Скажи, вон тот высокий рыжий...

Киттельгауз. Это Беккер... по прозвищу Красный Беккер!

Дрейсигер. Скажи, это он нагрубил тебе два дня назад? Помнишь, ты рассказывала... когда Йоганн подсаживал тебя в карету?

Фрау Дрейсигер (*надувшись*). А кто его знает!

Дрейсигер. Ну, перестань дуться! Мне надо знать. Я сыт по горло этими выходками. Если это тот самый, я привлеку его к ответственности.

Доносится песня ткачей.-

Нет, вы только послушайте!

Киттельгауз (*в возмущении*). Неужели этому безобразию конца не будет? Я вам серьезно говорю: настало время полиции вмешаться. Разрешите взглянуть! (*Подходит к окну*). Смотрите, господин Вейнгольд, тут

не одна молодежь, тут и старые, почтенные ткачи. Люди, которых я долгие годы считал достойными и богобоязненными. Они тоже принимают участие в этом неслыханном безобразии! Они попирают ногами заповеди господни! Не вздумаете ли вы еще защищать этих людей?

Вейнгольд. Конечно, нет, господин пастор. Впрочем, господин пастор, как смотреть на вещи! Ведь это голодные, темные люди. Они выражают свое недовольство просто так, как понимают. Я не думаю, чтобы такие люди...

Фрау Киттельгауз (*маленькая, худая, отцветшая женщина, больше напоминает старую деву, чем замужнюю женщину*). Да что вы, господин Вейнгольд! Одумайтесь!

Дрейсигер. Господин кандидат, я очень сожалею... я вас взял в свой дом не для того, чтобы вы читали мне лекции о гуманности. Я попросил бы вас заниматься только воспитанием моих детей. Остальное предоставьте мне. И только мне. Вы меня поняли?

Вейнгольд (*сильно побледнел, стоит неподвижно, затем отвечает поклон; странно улыбаясь, говорит, негромко*). Да, конечно, я понял вас. Я ждал этого. Да я и сам этого хочу. (*Уходит.*)

Дрейсигер (*грубо*). В таком случае поторапливайтесь! Мне нужна комната.

Фрау Дрейсигер. Но, Вильгельм, Вильгельм!

Дрейсигер. Да ты в своем уме? Просишь за человека, который заступает за этот сброд, за негодяев, распевающих такие подлые песни?

Фрау Дрейсигер. Но, дорогой мой, он ведь все... не...

Дрейсигер. Господин пастор, защищал он их или не защищал?

Киттельгауз. Господин Дрейсигер, молодежи не следует ставить всякое лыко в строку.

Фрау Киттельгауз. Не знаю, молодой человек из такой хорошей, почтенной семьи. Его отец сорок лет был чиновником и всегда на лучшем счету. Мать так счастлива, что он попал в ваш дом. И вдруг... Он не сумел оценить этого...

Пфейфер (*распахивает дверь, кричит*). Господин Дрейсигер, господин Дрейсигер! Одного уже схватили... Идите скорей! Один уже пойман!

Дрейсигер (*торопливо*). А за полицией кто-нибудь пошел?

Пфейфер. Вот сам господин начальник поднимается по лестнице.

Дрейсигер (*в дверях*). Прошу покорно, господин начальник! Рад вас видеть.

Киттельгауз знаками дает понять дамам, что им лучше удалиться.

Он, пасторша и фрау Дрейсигер уходят в салон.

(*В сильнейшем волнении обращается к только что вошедшему начальнику полиции.*) Господин начальник, главный запевала наконец пойман моими рабочими-красильщиками. Просто нельзя было больше терпеть. Их наглость не знает предела. Это возмутительно. У меня гости, а что позволяют себе эти негодяи? Задевают и поносят мою жену, когда она выходит на улицу. Жизни моих мальчиков угрожает опасности! Не исключена возможность, что они кинутся с кулаками на моих гостей. Уверяю вас, если в благоустроенном государстве такие факты ненаказуемы, если ни в чем не повинные люди, как я и члены моей семьи, подвергаются публичному оскорблению... тогда... да, тогда... У меня, к сожалению, совсем другие понятия о праве и нравственности...

Начальник полиции (*человек лет пятидесяти, среднего роста, толстый, полнокровный, в кавалерийском мундире, при сабле и шпорах*). Конечно, нет... Нет! Конечно, нет, господин Дрейсигер! Положитесь на меня. Да успокойтесь же, я весь в вашем распоряжении. Все будет в порядке... Очень рад, что вы задержали одного из главных крикунов. Я крайне доволен, что дело принимает такой оборот. Тут среди ткачей есть нарушители общественного спокойствия, я давно взял их на заметку.

Дрейсигер. Да, несколько зеленых юнцов. Совершенно верно. Лодыри, бездельники, ведущие распутную жизнь! День-деньской пропадают в кабаках, пока не пропьют последний грош. Но теперь я твердо решил

прибратъ к рукам этих крикунов. В интересах всего общества, не только в моих собственных!

Начальник полиции. Безусловно, безусловно, господин Дрейсигер. Никто не может быть к вам в претензии. По мере моих сил я...

Дрейсигер. Нагайками надо отхлестать эту банду!

Начальник полиции. Так точно, так точно... Необходимо примерно наказать их. Чтоб другим повадно не было.

Входит жандарм Кутше и становится навтыяжку. Дверь в прихожую остается открытой. На лестнице слышны тяжелые шаги.

Жандарм Кутше. Господин начальник, честь имею доложить: мы арестовали одного ткача.

Дрейсигер. Вы хотите видеть его, господин начальник?

Начальник полиции. Конечно, конечно! Прежде всего посмотрим на него вблизи. Прошу вас, господин Дрейсигер! Будьте совершенно спокойны. Я буду не я, если не заткну им глотки.

Дрейсигер. Этого мне мало. Необходимо немедленно предать его суду.

Пятеро рабочих-красильщиков вводят Егера. Одежда, лица и руки у них измазаны краской, они, видно, прямо с работы. У арестованного — шапка набекрень, он немного навеселе, нагловат.

Егер. О, несчастные! И вы считаете себя рабочими? Товарищами? Прежде чем я пошел бы на это, прежде чем предать товарища, я сто раз подумал бы, скорее дал бы себе руку отсечь!

По знаку начальника Кутше приказывает рабочим отойти от их жертвы. Егер стоит один, наглогато улыбаясь.

Все двери на запоре.

Начальник полиции. Шапку долой, негодяй!

Егер снимает шапку, но очень медленно, продолжая иронически улыбаться.

Как тебя звать?

Егер. Мы вместе свиней пасли, что ли?

Среди присутствующих движение.

Дрейсигер. Крепко!

Начальник полиции (*меняется в лице, вот-вот разразится гневом, однако сдерживает себя*). Спокойнее! Как тебя звать? — спрашиваю я.

Никакого ответа.

(*В бешенстве.*) Да говори же, мерзавец, а не то я прикажу дать тебе двадцать пять ударов!

Егер (*никак не реагируя на гнев начальника, обращается через голову присутствующих к хорошенькой служанке, подающей кофе. Застыгнутая врасплох, та стоит разинув рот*). Вот как, Эмилия! Ты с ними! Смотри, девка, не лучше ли тебе убраться отсюда подбрюздорову! Тут может такое случиться, что и ног не унесешь.

Девушка во все глаза смотрит на Егера и, поняв, что парень обращается к ней, краснеет от стыда, закрывает лицо руками и убегает, оставив посуду на столе. Среди присутствующих снова движение.

Начальник полиции (*растерянно обращается к Дрейсигеру*). За всю мою жизнь... Никогда я не видел такой неслыханной дерзости!

Егер плюет.

Дрейсигер. Эй, ты не в конюшне! Понимаешь?

Начальник полиции. Моему терпению приходит конец. Я спрашиваю в последний раз — как тебя зовут?

Киттельгауз (*все время выглядывает из приоткрытой двери гостиной, прислушивается. Потрясенный всем происходящим, выходит и, дрожа от волнения, вмешивается в разговор*). Его зовут Егер, господин начальник. Мориц — не так ли? Мориц Егер. (*Обращаясь к нему.*) Скажи, Егер, неужели ты меня не знаешь?

Егер (*серьезно*). Вы пастор Киттельгауз.

Киттельгауз. Да, твой духовный пастырь, Егер! Тот самый, который грудным ребенком принял тебя в

лоно церкви. Тот самый, из чьих рук ты впервые получал причастие. Ты помнишь все это? Помнишь, как я старался внушить тебе слова господни? И вот благодарность!

Егер (*мрачно, как смиренный школьник*). Я ведь уплатил свой талер...

Киттельгауз. Деньги, деньги... Неужели ты на самом деле думаешь, что эти жалкие деньги... Оставь их при себе, это мне будет куда приятнее! Какая это все чепуха! Будь честен, будь христианином! Исполняй заповеди господни, будь добр и благочестив! А ты все— деньги, деньги!

Егер. Я квакер, господин пастор, я больше ни во что не верю.

Киттельгауз. Что? Квакер? Не говори глупостей! Выкинь из головы слова, которых не понимаешь. Квакеры — люди благочестивые, набожные, они не язычники вроде тебя. «Квакер»! «Квакер»! Сказал тоже!

Начальник полиции. Разрешите, господин пастор! (*Становится между ним и Егером.*) Кутше! Свяжите ему руки!

С улицы — дикие крики: «Егерал!» «Отпустить Егерал!»

Дрейсигер (*слегка испуганный, как и все остальные, подбегает к окну*). Что там опять такое?

Начальник полиции. О! Понятно! Они хотят, чтобы мы освободили этого негодяя. Но мы не доставим им такого удовольствия. Понятно, Кутше? Отвести его в тюрьму!

Кутше (*у него в руках веревка, но он медлит*). Дозвольте доложить, господин начальник, это вряд ли удастся. Там целая толпа бунтовщиков. Шалая банда, господин начальник. Там Беккер, там кузнец...

Киттельгауз. Разрешите мне сказать: не попытаться ли, господин начальник, покончить дело миром, дабы не разжечь страсти еще больше? Может быть, Егер добровольно отправится...

Начальник полиции. Что вам приходит в голову?! Я отвечаю за все! Я не могу положиться на Егера. Смелее, Кутше! Нечего разговаривать.

Егер (*смеясь, сам протягивает руки*). Вот так, по-

крепче, крепче! Вяжи как можно крепче! Все равно ненадолго.

С помощью рабочих Кутше связывает Егера.

Начальник полиции. Ну, пошли! (*Дрейсигеру.*) Если вы чего-нибудь опасаетесь, пусть человек шесть красильщиков пойдут с ними. А он, Егер, пускай идет посередине. Я поеду верхом впереди, за мной Кутше. А кто заградит нам дорогу, того мы вздуем.

С улицы кричат: «Ку-ка-ре-ку!» «Гау-гау!»

(*Угрожающе повернулся к окну.*) Канальи! Я покажу вам «ку-ка-ре-ку» и «гау-гау». Марш вперед! (*Уходит с саблей наголо, остальные вместе с Егером следуют за ним.*)

Егер (*кричит на ходу*). Пускай фрау Дрейсигер не задирает нос! Она такая же, как и мы... За три пфеннига не одну сотню раз подносила водку моему отцу... Эскадрон, на-лево! Марш-марш! (*Уходит с хохотом.*)

Дрейсигер (*после паузы, внешне спокойно*). Как же вист, господин пастор? Надо думать, теперь нас больше не отвлекут. (*Закуривает сигару, нервно смеется.*) А знаете ли, вся эта история кажется мне довольно потешной. Ну и детина! (*Так же нервно смеется.*) В самом деле, все это неопишимо смешно. Сначала — перепалка за столом с кандидатом, через пять минут он откланивается — и был таков! А потом эта история с Егером. Ну, давайте играть в вист!

Киттельгауз. Да, но...

Внизу шум и гул.

Да, но... знаете ли, люди там не угомонились...

Дрейсигер. Пройдем в другую комнату, там нам никто не помешает.

Киттельгауз (*качая головой*). Знать бы только, что за бес вселился в этих людей? Надо отдать справедливость кандидату. До недавнего времени я тоже полагал, что ткачи — смирные, терпеливые и поддающиеся увещеванию люди. А вы разве не думали так, господин Дрейсигер?

Дрейсигер. Конечно, они были терпеливы и уступчивы, конечно, прежде это были порядочные, смиренные люди. Пока их не смутили так называемые проповедники гуманизма. Они достаточно долго вдалбливали ткачам, что те в ужасном положении... Вы только вспомните обо всех этих обществах и комитетах по оказанию помощи ткачам! В конце концов у них голова закружилась. И вот результаты! А теперь попробуй уйми их, когда они распоясались вовсю. То им одно не нравится, то другое. Подноси им все на золотом блюде!

Слышны все возрастающие крики.

Киттельгауз. А что дали все эти разговоры о гуманности? Только одно — овцы превратились в настоящих волков.

Дрейсигер. Да что вы! Если посмотреть на вещи спокойнее, господин пастор, то, пожалуй, во всем этом есть и хорошая сторона. Такого рода происшествия не пройдут незамеченными в высших сферах. Быть может, там поймут в конце концов, что так дольше продолжаться не может. Необходимо что-то сделать! Надо помочь нашей отечественной промышленности, не дать ей разориться!

Киттельгауз. Скажите, чем объясняется этот невероятный кризис?

Дрейсигер. Вывоз за границу почти невозможен — непосильные пошлины, а внутри страны конкуренция не на жизнь, а на смерть, мы брошены на произвол судьбы, полностью на произвол судьбы.

Пфейфер (*вбегают запыхавшийся и бледный*). Господин Дрейсигер, господин Дрейсигер!

Дрейсигер (*стоя в дверях салона, с раздражением*). Что там опять, Пфейфер?

Пфейфер. Нет... нет... непостижимо!

Дрейсигер. Ну, в чем дело?

Киттельгауз. Да говорите же, вы пугаете нас.

Пфейфер (*все еще вне себя*). Подумать только! Начальство... ну и достанется же им!

Дрейсигер. Да ну вас к черту! Что вас так напугало? Кто сломал себе шею?

Пфейфер (*почти плача, кричит в страхе*). Они от-

били Морица Егера, поколотили и прогнали начальни-
ка, поколотили и прогнали жандарма... Тот убежал без
каска... со сломанной шпагой... нет-нет!

Дрейсигер. Пфейфер, вы, видно, рехнулись?

Киттельгауз. Ведь это революция!

Пфейфер (*сидит на стуле, дрожа всем телом; визгливо*). Господин Дрейсигер, надвигается беда, на-
двигается беда!

Дрейсигер. Но чего же стóбит вся полиция...

Пфейфер. Господин Дрейсигер, надвигается беда.

Дрейсигер. Да замолчите, Пфейфер! Ну вас к
черту!

Фрау Дрейсигер (*входит вместе с пасторшей
из салона*). Ах, Вильгельм, это в самом деле ужасно.
Весь вечер пропал. Вот и фрау пасторша уже собирает-
ся уходить.

Киттельгауз. Дорогая фрау Дрейсигер, мо-
жет быть, сегодня это в самом деле — самое правиль-
ное...

Фрау Дрейсигер. Вильгельм, тебе следовало
бы вмешаться...

Дрейсигер. Ну и иди к ним! Иди! Иди! (*Останав-
ливается перед пастором и недоуменно спрашивает его.*)
Что я — тиран? Я в самом деле живодер?

Кучер Йоганн (*входит, обращается к фрау
Дрейсигер*). Я запряг лошадей. Господин кандидат по-
садил в коляску Йоргеля и Карльхена. Если дело плохо
обернется, мы дадим тягу.

Фрау Дрейсигер. А что может случиться?

Йоганн. Почему я знаю? Я только так думаю. Сбе-
гается все больше народу, они прогнали начальника и
жандарма.

Пфейфер. Надвигается беда, господин Дрейси-
гер, надвигается беда!

Фрау Дрейсигер (*с возрастающим испугом*).
Что же это будет? Что им нужно? Ведь они не ворвут-
ся сюда, Йоганн?

Йоганн. Там есть очень злые собаки, фрау ма-
дам.

Пфейфер. Беда! Беда!

Дрейсигер. Замолчи, осел. Двери заперты?

Киттельгауз. Позвольте... Позвольте... я решился... Позвольте... *(Обращаясь к Йоганну.)* Чего хотят эти люди?

Йоганн *(смущенно)*. Они хотят прибавки, дураки.

Киттельгауз. Хорошо! Я выйду к ним. Я исполню свой долг. Я поговорю с ними очень серьезно.

Йоганн. Господин пастор, не делайте этого. Разве их проймешь словами?

Киттельгауз. Дорогой господин Дрейсигер, прошу вас — поставьте у двери людей, и пусть запрут ее за мной.

Фрау Киттельгауз. Ты в самом деле выйдешь к ним, Йосиф?

Киттельгауз. Да, выйду. Я знаю, что делаю. Не тревожься, господь защитит меня.

Фрау Киттельгауз пожимает ему руку и, отойдя в сторону, утирает слезы. Снизу все время доносится глухой шум, там собралась большая толпа.

Я сделаю вид... я сделаю вид, что просто иду домой. Я хочу убедиться... мой духовный сан... Может быть, он внушит уважение этим людям... Я хочу убедиться... *(Берет шляпу и палку.)* Итак, вперед, во имя господа бога! *(Уходит, провожаемый Дрейсигером, Пфейфером и Йоганном.)*

Фрау Киттельгауз. Дорогая фрау Дрейсигер! *(В слезах кидается ей на шею.)* Только бы с ним не случилось несчастья!

Фрау Дрейсигер. Я ничего не понимаю, фрау Киттельгауз. Все так смутно, не могу сказать, как тяжело на душе. Ведь если все это так, значит, богатство — преступление? Если бы прежде кто-нибудь это сказал мне... Нет, я ничего не понимаю, госпожа Киттельгауз! Уж лучше бы мне остаться в бедности.

Фрау Киттельгауз. Дорогая фрау Дрейсигер, неудачи и заботы бывают и в бедности и в богатстве.

Фрау Дрейсигер. Да, конечно. Я тоже так думаю. Но у нас их больше, чем у других людей... Боже ты мой, ведь мы не украли наши богатства, ведь каждый грош честно заработан. Нет, невозможно, что-

бы эти люди напали на нас! Разве мой муж виноват, что дела идут плохо?

Доносится гул толпы. Женщины стоят бледные и испуганные. В комнату врывается Дрейсигер.

Дрейсигер. Роза, накинь на себя что-нибудь и беги к коляске, я приду следом за тобой. *(Бросается к негсгораемому шкафу, отпирает его и достает оттуда разные ценности.)*

Йоганн *(входит)*. Все готово. Не мешкайте, хозяин, пока они не захватили задние ворота.

Фрау Дрейсигер *(в паническом страхе бросается на шею к Йоганну)*. Йоганн, дорогой Йоганн, хороший мой Йоганн! Спаси нас, дорогой! Спаси моих мальчиков, ах-ах!..

Дрейсигер. Опомнись, Роза! Оставь Йоганна!

Йоганн. Мадам, мадам, успокойтесь. Наши рысакки не подведут, их никто не обгонит... А если кто станет на пути, мы раздавим! *(Уходит.)*

Фрау Киттельгауз *(беспомощно мечется)*. Мой муж... мой муж... Господин Дрейсигер, что будет с моим мужем?

Дрейсигер. Успокойтесь, фрау Киттельгауз. Он невредим. Успокойтесь!

Фрау Киттельгауз. Наверно, с ним приключилось что-то плохое. Вы только не хотите мне сказать! Вы только не хотите мне сказать!

Дрейсигер. Да нет! О, они еще пожалеют об этом! Я точно знаю, чьих это рук дело. Такая неслыханная наглость, такое бесстыдство не останутся без последствий. Община, которая оскорбляет своего духовного пастыря! Да, черт возьми! Духовного пастыря! Бешеные собаки, сорвавшиеся с цепи! Зверье! Они свое получают! *(Обращаясь к фрау Дрейсигер, которая стоит как оглушенная.)* Пошевеливайся, иди!

Слышно, как стучат во входную дверь.

Не слышишь, что ли? Эта банда спятила!

Снизу доносится звон разбитых стекол.

Дрейсигер. Эта банда спятила! Остается только бежать!

Слышны крики: «Пфейфера сюда!» «Пфейфера сюда!»

Фрау Дрейсигер. Они требуют Пфейфера! Пфейфер (*вбегаёт*). Господин Дрейсигер, у задних ворот собралась толпа. Входная дверь не выдержит ее напора. Кузнец Виттиг как бешеный колотит в ворота ведрами.

Снизу крики: «Пфейфера сюда!» Фрау Дрейсигер убегает, как будто ее преследуют, за ней—фрау Киттельгауз.

Пфейфер (*прислушивается, меняется в лице, слышит свое имя. Он в паническом ужасе: плачет, визжит, умоляет, говорит с невероятной быстротой. Бросается к Дрейсигеру, обнимает его, как ребенок, насыпает ласковыми словами, гладит ему щеки и плечи, целует руки, хватается за него как утопающий, не выпускает его*). Дорогой, любимый, всемилостивейший господин Дрейсигер! Не оставляйте меня! Я всегда служил вам верой и правдой! Я всегда хорошо обращался с людьми! Я ведь не мог дать им прибавку! Не бросайте меня, они меня убьют! Они не пощадят меня! Ах боже милостивый, ах боже милостивый, моя жена, дети...

Дрейсигер (*тщетно пытается вырваться от Пфейфера*). Да отстаньте вы! Все уладится, все уладится! (*Уходит вместе с Пфейфером.*)

Несколько секунд комната остается пустой. Слышно, как в салоне вылетают из окон стекла. Весь дом содрогается. Крики «ура». Затем наступает тишина. Спустя несколько секунд слышны тихие и осторожные шаги на лестнице, ведущей на второй этаж, и осторожные, робкие крики: «Налево», «Наверх», «Так! Полегче!», «Да не мешай!», «Что я раздобыл, вы только взгляните!», «Ну и разгуляемся!», «Долой палачей!», «А ты не при!», «Да отстань!» В сенях появляются молодые ткачи и ткачихи. Они робко топчутся на месте, каждый толкает вперед другого. Но все быстро преодолевают робость, вваливаются в кабинет Дрейсигера и в салон. Это бедно одетые люди, с изможденными лицами, у многих болезненный вид, одежда в заплатках. Сначала они с любопытством робко оглядывают комнаты. Затем начинают трогать вещи руками. Девушки садятся на диваны, образуются группы, рассматривающие себя в зеркале. Некоторые встают на стулья, чтобы разглядеть картины и снять их со стен. Комнаты заполняются все большим и большим количеством бедняков.

Старый ткач (*входит*). Нет-нет, оставьте меня в покое! Там внизу начинают даже громить. Какая дикость! В этом нет ни смысла, ни разума. Все это плохо кончится. Разве человек, если он в своем уме, пристанет к такому делу! Я поостерегусь! Не хочу знаться с грабителями!

В комнату врываются Егер, Беккер, Виттиг с деревянным ведром в руках, Баумерт и толпа молодых и старых ткачей, хриплыми голосами переговариваясь друг с другом.

Егер. Куда он девался?

Беккер. Где этот живодер?

Старый Баумерт. По мне, он может просто подохнуть!

Виттиг. Вот найдем его и повесим!

Первый молодой ткач. Схватим его за ноги и выбросим из окна на мостовую, чтобы осталось только мокрое место.

Второй молодой ткач (*входит*). Улетела птичка!

Все. Кто?

Второй молодой ткач. Дрейсигер!

Беккер. И Пфейфер тоже?

Голоса. Искать Пфейфера! Искать Пфейфера!

Старый Баумерт. Ищите, ищите Пфейфера! Пусть подтянет нам животы!

Смех.

Егер. Если не найдем эту скотину Дрейсигера...

Старый Баумерт. Пустим его по миру! Пусть и он будет бедным как церковная крыса. Камня на камне у него не оставим!

Все бросаются в салон, начинают громить его.

Беккер (*впереди всех, но вдруг поворачивается и останавливает других*). Погодите, слушайте меня! Вот управимся здесь и пойдем к другим! В Билау, к Дитриху, — тот завел у себя механический ткацкий станок. Все горе от этих фабрик!

Анзорге (*входит через сени. Сделав несколько шагов, останавливается, удивленно оглядывается, качает*

головой, стучит себя по лбу). Кто я? Ткач Антон Анзоре? Что я, Анзоре, спятил? Все вокруг ходуном ходит. А я что тут делаю? Веселюсь, что ли, с другими? Куда это Анзоре попал? *(Снова стучит себя по лбу.)* И всегда-то я остаюсь в дураках! Ни вашим, ни нашим. Никогда не попадешь в точку. Уходите, уходите отсюда! Бунтари, уходите отсюда! Уносите руки, ноги, прочь отсюда! Вы взяли мой дом, а я беру ваш. Веселее! *(С воплем бросается в гостиную.)*

Все кидаются за ним с гиканьем и хохотом.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Лангенбилау. Ткацкая мастерская старика Гильзе. Налево оконце, перед ним ткацкий станок, направо кровать, вплотную к кровати стол. В правом углу печка и скамья. За столом, на низенькой скамеечке, на краю кровати и на табуретке сидят старый Гильзе, его жена — слепая и почти глухая старуха, сын Готлиб, жена сына Луиза. Они совершают утреннюю молитву. Мотальное колесо с клубком ниток стоит между столом и ткацким станком. На закопченных балках потолка висят различные приспособления для тканья и наматывания шпуль. Свешиваются длинные куски пряжи. Повсюду валяется разный хлам. Комнатка тесная, низкая, одна дверь в глубине ведет в «дом». Против этой двери другая дверь, она открыта и дает возможность заглянуть во вторую ткацкую, такую же, как первая. Полы в «доме» каменные, штукатурка обвалилась, покривившаяся деревянная лестница ведет в чердачное помещение. Видна кадка с бельем, стоящая на табуретке. Повсюду валяется нищенское белье, утварь бедняков. Во всех комнатах свет падает слева. Старый Гильзе — бородатый, коренастый человек, изнуренный работой, болезнями и заботами. Инвалид, однорукий. У него острый нос, серый цвет лица, как и у большинства ткачей, воспаленные, усталые глаза; очень худ; дрожит. Старый Гильзе, сын и невестка встают со своих мест.

Старый Гильзе (*читает молитву*). Боже милостивый, благодарим тебя от всего сердца, что ты и этой ночью не оставил нас своей благостью и заботой... За то, что ты смилостивился над нами. Что и этой ночью с нами не приключилось ничего плохого. Велико твое милосердие, а мы простые бедные грешники, недостойные того, чтобы ты раздавил нас ногами, так мы грешны и испорчены. Но ты, отец наш, благоволишь к нам и оберегаешь нас ради твоего дорогого сына, нашего господина и спасителя Иисуса Христа. Кровь Христова и

справедливость — мой наряд и убранство. И, если мы иной раз и малодушествуем под твоей карающей десницей, если огонь очищения чрезмерно опалает нас, прости нам наши прегрешения, не требуй от нас слишком много. Даруй нам терпение, отец небесный, дабы мы, испытав все страдания, приобщились твоему вечному блаженству. Аминь!

Матушка Гильзе (*подавшись вперед, прислушивается и плачет*). Ах, отец, твоя молитва всегда такая чудесная!

Луиза отходит к кадке с бельем, Готлиб — в комнатку напротив.

Старый Гильзе. А где же девчонка?

Луиза. Пошла в Петерсвальдау — к Дрейсигеру. Она вчера вечером намотала несколько мотков.

Старый Гильзе (*стараясь говорить очень громко*). Ну, мать, я пододвину тебе твое колесо.

Матушка Гильзе. Давай-давай, старый.

Старый Гильзе (*ставит перед ней колесо*). Да, что говорить, я бы рад освободить тебя от этой работы.

Матушка Гильзе. Нет-нет. Как же я стала бы убивать время?

Старый Гильзе. Дай, я вытру тебе пальцы, чтобы не замаслить нитки. Слышишь? (*Вытирает ей тряпкой руки.*)

Луиза (*стоя у кадки*). Разве мы ели жирное?

Старый Гильзе. Если нет жиру, пожую и сухой хлеб. Нет хлеба — слопаем картошку, нет картошки — обойдемся сухой мякиной.

Луиза (*вызывающе*). А не будет у нас черной муки, сделаем так, как Венглеры: разнюхаем, куда живодер закопал подошную клячу, выкопаем ее и станем жрать падаль. Так, что ли?

Голос Готлиба из задней комнаты: «Что ты тут шипишь, змея?»

Старый Гильзе. Придержала бы язык за зубами, поменьше бы произносила безбожных речей. (*Усаживается за станок, кричит Готлибу.*) Не сможешь ли мне, сынок, продеть несколько ниток?

Луиза (у кадки). Готлиб, помоги отцу!

Входит Готлиб и вместе с отцом принимается за трудную работу — натягивает нити основы. Едва они приступили к работе, как в «доме» появляется Горниг.

Горниг (стоя у двери). Бог в помощи!

Старый Гильзе и Готлиб. Спасибо, Горниг!

Старый Гильзе. Да когда же ты спишь, друг?

Днем торгуешь, ночью караулишь.

Горниг. Совсем я сон потерял.

Луиза. Здравствуй, Горниг.

Старый Гильзе. Ну, что хорошего?

Горниг. Куча новостей, мастер. Люди в Петерсвальдау выкинули коленце — выгнали из берлоги фабриканта Дрейсигера со всем семейством.

Луиза (взволнованно). Горниг опять врет как сильный мерин.

Горниг. Нет-нет, я не вру. На этот раз не вру. Они в самом деле прогнали его, клянусь всем святым. Вчера вечером Дрейсигер приехал в Рейхенбах. Но есть же бог на свете! Его не захотели там оставить. Побоялись ткачей. И ему пришлось снова подняться, ехать в Швейдниц.

Старый Гильзе (осторожно перебирает нити основы и подносит их к гребню, через отверстие которого сын с другой стороны подхватывает нити крючком и протягивает их сквозь отверстие). Хватит, Горниг, перестань молоть вздор!

Горниг. Провалиться мне на этом месте! Об этом знает уже каждый младенец.

Старый Гильзе. Скажи, пожалуйста: я рехнулся или ты?

Горниг. Все, что я рассказал, так же верно, как то, что я стою перед тобой. Не будь я сам при этом, я бы рта не раскрыл, но я все видел своими глазами. Своими собственными глазами, как я вижу тебя, Готлиб. Они разнесли весь дом фабриканта — от погреба до чердака. Из чердачных окон они бросали посуду прямо через крышу на землю, а сколько бумазееи швырнули в ручей! Даже вода вышла из берегов, представь

себе, вода была синей от краски индиго, которую они высыпали за окно. Облака синей пыли поднялись над ручьем. Да-да, похозяйничали они там! А что они сделали в доме... А в красильной... а на складах... Они разнесли лестницу, взломали полы, разбили зеркала, диваны, стулья, все расколотили, разрезали, растоптали, разрушили. Выпустили перья из перин!.. Хуже, чем на войне.

Старый Гильзе. И все это натворили здешние ткачи? *(Удивленно покачивает головой.)*

У двери собрались любопытные — жильцы дома.

Горниг. А кто же еще? Я знаю всех по имени. Я обошел с ландратом весь дом и говорил со многими — они были такие же безответные, как всегда, делали свое дело неторопливо, но основательно. Да, основательно! Ландрат увещевал людей, все стояли смиренно, как всегда. Но не дали уговорить себя. Вся чудная мебель была разбита на куски. Можно подумать, что кто-то подрядил их на эту работу.

Старый Гильзе. Ты обошел дом с ландратом?

Горниг. Ну да. А ты что думал — я струсил? Они все знают меня, ведь я коробейник. Я никого не трогаю, со всеми лажу. Вот я и прошелся по дому с ландратом. С места мне не сойти, правда! Можете мне поверить: у меня по спине мурашки бегали. И ландрат тоже обалдел, я же видел! А почему? Никто слова не произнес, все молча работали. Прямо дух захватывало, гляючи на них: нищие, голодные люди — и вдруг такая месть!

Луиза *(взволнованно; она дрожит всем телом. Вытирает глаза фартуком)*. Вот и хорошо, когда-нибудь это должно было прорваться!

Голоса жильцов. Да разве мало живоделов кругом!

— Вон там, напротив, тоже живет один.

— В конюшне четыре лошади и шесть колясок, а ткачи у него голодают!

Старый Гильзе *(все еще недоверчиво)*. Что же будет?

Горниг. А кто его знает! Кто знает! Один говорит одно, другой — другое.

Старый Гильзе. А что говорят?

Горниг. Будто Дрейсигер сказал: «Пускай лебеду едят, если голодны». Больше я ничего не знаю.

Среди жильцов движение, они возмущенно передают эти слова друг другу.

Старый Гильзе. Да перестань ты сочинять, Горниг. Если бы ты сказал: Гильзе, ты завтра умрешь! Что ж? Все возможно, почему бы и нет! — ответил бы я. Можешь сказать: завтра, отец Гильзе, к тебе прибудет в гости король прусский! Но чтобы ткачи, такие же люди, как я и мой сын, натворили подобных дел? Да никогда я такому не поверю... Никогда!

Мильхен (*семилетняя красивая девочка с длинными распущенными льняными волосами, в руках — кошелка. Она входит вприпрыжку. Показывает матери серебряную ложку*). Мамочка, мамочка, посмотри, что я принесла! Купи мне платьице за это!

Луиза. Что с тобой? Ты совсем не в себе, дочка. (*С возрастающим волнением.*) Что ты тут притащила? Отчего так запыхалась? И мотки еще в кошелке. Что это значит, Мильхен?

Старый Гильзе. Откуда у тебя ложка, внучка?

Луиза. А может, она нашла ее.

Горниг. Два-три талера вполне можно взять за нее.

Старый Гильзе (*вне себя*). Вон! Пошла вон, девчонка! Убирайся, не то отколочу! И ложку отнеси на то место, где взяла ее! Вон! Хочешь, чтоб из-за тебя мы стали ворами? А? погоди, уж я тебя отучу воровать! (*Оглядывается, ища, чем бы побить ребенка.*)

Мильхен (*держится за юбку матери, плачет*). Дедушка, не бей меня... Мы... нашли ее... Все ребята... что наматывают шпульки... все нашли...

Луиза (*в ней борются страх и любопытство*). Ну вот видишь! Она нашла ложку! Где ты ее нашла, Мильхен?

Мильхен *(плачет)*. В Петерсвальдау... там мы нашли... возле дома Дрейсигера...

Старый Гильзе. Ну вот! Все ясно! Поворачивайся, а то я тебя так подтолкну, что не обрадуешься!

Матушка Гильзе. Что тут такое?

Горниг. Послушай, папаша Гильзе. Пусть Готлиб наденет сюртук и снесет ложку в полицию.

Старый Гильзе. Готлиб, надевай сюртук.

Готлиб *(уже напяливая сюртук, говорит взволнованно)*. Я пойду в канцелярию и скажу: пускай не сердятся, какой у ребенка разум? Да и ложку я принес. Вот она! — Не реви, Мильхен.

Мать уводит плачущую девочку в заднюю комнатку и хлопывает дверь. Сама она возвращается.

Горниг. Три талера она стоит!

Готлиб. Дай платочек, Луиза, я заверну ложку. Как бы ее не поцарапать! Такая дорогая вещь! *(В глазах у него слезы, когда он заворачивает ложку.)*

Луиза. Будь у нас такая ложка — сколько недель можно было бы на нее прожить!

Старый Гильзе. Иди-иди, поторапливайся! Беги во весь дух! Еще этого мне не доставало! Скорее отделаться от этой чертовой ложки!

Готлиб уходит, унося ложку.

Горниг. Ну, надо идти. *(Выходит из ткацкой, задерживается еще в доме на несколько секунд и уходит.)*

Хирург Шмидт *(живой, как ртуть, кругленький человечек, с багрово-красным лукавым лицом)*. Здравствуйте, люди! Что вы скажете? Слыхали? Хорошенькая история! *(Грозит пальцем.)* Наверно, и вы не без греха! *(Стоит в дверях, но не входит в комнату.)* Доброе утро, папаша Гильзе! *(Женщине.)* Ну как, матушка? Ломит кости? Лучше? Да? Ну вот видите! Папаша Гильзе, хочи и вас навестить. Как там старуха?

Луиза. Плохо у нее с глазами, господин доктор. Она ничего не видит.

Хирург Шмидт. Это все от пыли, оттого что ткете при свете. Ну скажите, вы понимаете, что происхо-

дит? Весь Петерсвальдау поднялся, люди идут сюда. Сегодня утром я, как ни в чем не бывало, в прекраснейшем настроении сажусь в свой экипаж. И вдруг слышу такие чудеса! Что это, Гильзе? Какой бес попутал этих людей? Что твоя стая волков! Революцию делают! Бунтуют! Не слушаются, грабят, мародерствуют... Мильхен! Да где она?

Луиза выталкивает Мильхен, еще красную от слез.

А, вот ты где, Мильхен! Ну-ка, запусти ручонку в мой карман!

Мильхен так и делает.

Принес тебе мятных пряников. Да-да! Но не ешь все сразу. Ах ты, бедная твоя головушка! Сначала спой: «Лисичка, ты украла петуха? Лисичка, ты украла петуха?» Ты что наделала, проказница! Воробьев, что на пасторском заборе сидели, обозвала дурным словом. Вот они и пожаловались пастору. Что вы скажете? Сюда идут полторы тысячи человек!

Слышен далекий звон.

Вы только подумайте: в Рейхенбахе они бьют в набат. Полторы тысячи человек! Конец миру пришел! Страшно как!

Старый Гильзе. Они на самом деле идут к нам в Билау?

Хирург Шмидт. Ну да, ну да! Я ведь с трудом пробился сквозь толпу. Так и хотелось выскочить из коляски и дать каждому по порошочку. Плетутся друг за другом, серые и несчастные, и так заунывно поют, что сердце сжимается от тоски, а к горлу комок подкатывает. Мой кучер Фридрих рыдал навзрыд, как старая баба. Пришлось при первом удобном случае пропустить по рюмочке спиртного. Вот уж не хотел бы я быть фабрикантом. Даже если б на резиновых шинах кататься.

Далекое пение.

Слушайте! Будто костяшками по старому котлу бьют!

Дети мои! Не пройдет и пяти минут, как они будут здесь. Прощайте. Не делайте глупостей. Вслед за ними идут войска. Не теряйте головы. Те там, в Петерсвальдау, потеряли голову.

Ближний звон колокола.

Боже милостивый, и наши в колокола звонят! Видно, совсем спятили люди! *(Уходит на верхний этаж.)*

Готлиб *(возвращается. Еще в «доме» начинает рассказывать, прерывисто дыша)*. Я видел их. Я их видел! *(Женщине в «доме».)* Они уже здесь, тетушка, они уже здесь! *(Стоя в дверях.)* Отец, они уже здесь! В руках у них колья и ломы! Они уже там наверху, у Дитриха. И скандалят там. Кажется, им выплачивают деньги. О господи, что это будет? Я и не смотрю в ту сторону. Сколько людей! Сколько людей! Если они решатся и двинутся сюда — о боже, боже... нашим фабрикантам несдобровать!

Старый Гильзе. Почему ты так бежал? Теперь не скоро отдышишься, опять вернется твоя старая болезнь, будешь лежать на спине и кататься по постели...

Готлиб *(радостно возбужденный)*. Я бегом, бегом! Иначе те там задержали бы меня. Все ко мне приставали — оставайся с нами! И крестный Баумерт был с ними. Он сказал мне: и тебе лишний пятак пригодится, ведь и ты нищий. И еще сказал: скажи твоему отцу... чтобы и он пришел и вместе с нами оплатил фабриканту за то, что шкуру с нас дерет. *(Страстно.)* Настали другие времена, говорит он. Теперь нам, ткачам, будет житься совсем по-другому. Но мы все должны выйти из своих лачуг, все должны добиваться лучшей жизни. Чтобы в воскресенье у нас был кусок мяса, а в праздники еще кровяная колбаса с квашеной капустой. Да, теперь все пойдет по-другому, — так он мне сказал!

Старый Гильзе *(подавляя возмущение)*. И это сказал тебе крестный? Да еще он велит тебе пристать к этим нечестивцам? Берегись! Тут без черта не обошлось. Сам сатана вертит ими.

Луиза (в волнении, резко). Да-да, Готлиб, полезай на печь, захвати ложку, да миску пахтанья поставь на колени, надень сюртук и молись! Это придется отцу по душе. Тоже — мужчиной называется!

В «доме» смеются.

Старый Гильзе (дрожит, силится скрыть свой гнев). А ты думаешь, ты настоящая женщина? Ну что ж, выложу тебе всю правду начистоту. Вот ты — мать, а язык у тебя злой. Ты должна дочке пример подавать. А что ты делаешь? Подстрекашь мужа к преступлениям и нечестным делам.

Луиза (не владея собой). Уж ваши ханжеские речи!.. Еще ни один ребенок не стал сыт от них! Мои ребята — все четверо лежали в грязи и лохмотьях. Пеленка и та ни одна не высохла от ваших речей. И я — мать — знаю это. И потому, что я это знаю, я готова послать фабрикантов к черту в пасть, накликав на них чуму и всякие беды. Я — мать! А как было выкормить, как удержать на земле такую крошку? У меня глаза не просыхали от слез... с той минуты, как малыш являлся на свет божий, и до тех пор, пока бог не прибирал его к себе. У вас от всего этого голова не болела! Вы молились и пели, а я бегала, бывало, до ссадин на ногах, пока раздобуду кружку пахтанья. А бессонные ночи, когда голова ломилась от дум: как сохранить дитя, как сделать так, чтобы хоть одного не снести на погост? Чем виновато такое дитя? А? И почему его ждет такая ужасная смерть, а Дитриховых детей купают в молоке? Нет-нет! Если только здесь начнется, никакие силы меня не удержат. И я говорю вам: если они будут громить Дитрихову фабрику, я буду в первых рядах! Горе тому, кто станет у меня на пути. С меня хватит! Это во всяком случае!

Старый Гильзе. Ну, ты совсем пропащая. Тебе уже ничто не поможет.

Луиза (неистово). Вам ничто не поможет. Зануды! Тряпки вы, а не мужчины! Так и хочется плюнуть вам в лицо. Тоже храбрецы — улепетывают от звука детской погремушки! Избей вас до смерти — и то трижды в ноги поклонитесь! Они так из вас кровь высосали, что вам

даже покраснеть не удастся. Отхлестать бы вас кнутом, чтоб у вас мозги заработали!.. (Уходит.)

Пауза. Общее смущение.

Матушка Гильзе. Что с Лизль, отец?

Старый Гильзе. Ничего, мать. Что с ней может быть?

Фрау Гильзе. Скажи, отец, мне так кажется, или на самом деле звонят колокола?

Старый Гильзе. Наверно, кого-то хоронят, мать.

Фрау Гильзе. А вот меня бог все не берет к себе. И почему это так, отец?

Пауза.

Старый Гильзе (*оставляет работу, встает, говорит торжественно*). Готлиб! Чего только не наговорила твоя жена! Готлиб, взгляни сюда! (*Обнажает грудь*.) Сюда попала такая штучка — величиной с наперсток. А где я потерял руку, об этом тоже надо спросить короля! Не крысы отгрызли. (*Ходит взад и вперед*.) О твоей жене еще и птицы не пели, когда я уже проливал кровь за отечество. Пускай она ревет, сколько ее душе угодно. Мне что! Наплевать! Бояться? Я боюсь? Чего мне бояться — объясни хоть раз. Солдат, которые, наверно, придут вслед за бунтовщиками? Пускай придут! Беда невелика. Да, конечно, спина у меня слабовата. Но, если понадобится, я еще пушу в ход свои кости. Они у меня что слоновые! С кучкой паршивых солдат я еще справлюсь. А если и нет? С какой радостью я положил бы всему конец! Придет смерть — милости прошу! Лучше сегодня, чем завтра. Нет-нет. Это было бы лучше всего! Что мы, брат, теряем здесь? Наши муки? А жизнь — что она такое? Вечный страх и вечное глумление над нами! Да будь она неладна! А вот, Готлиб, если упустить то, что будет в другой жизни, вот тогда-то и придет настоящая беда!

Готлиб. Кто знает, что ждет человека после смерти? Никто этого не видал.

Старый Гильзе. Готлиб, не сомневайся в том

единственном, что остается нам, беднякам! Из-за чего же я просидел здесь сорок с лишним лет? На этой вот табуретке? И спокойно смотрел на фабриканта напротив, который катался как сыр в масле — и загребал деньгу, и богател на моем горе и голоде. Почему? Только потому, что надежда жила во мне. Как мне ни было плохо, а надежда была у меня. (Глядя в окно.) Я говорил себе — здесь на земле ты, фабрикант, взял верх, а на том свете мне будет хорошо. Так я думал. И, пускай меня четвертуют, я верю в это. Так нам заповедали. Будет суд. Но судьями будем не мы. Мне отмщение и аз воздам, говорит господь.

Голос за окном: «Ткачи, выходи!»

Старый Гильзе. Что ж, потешьтесь! (Садится за станок.) А я останусь здесь.

Готлиб (после короткой борьбы). Я тоже пойду работать. Будь что будет. (Уходит.)

Слышна песня ткачей, ее поет много сотен голосов. Вот уже песня раздается совсем неподалеку. Звуки доходят, как глухие монотонные жалобы.

Голоса жильцов (в «доме»). Вот беда! Вот беда!

— Они ползут сюда, как муравьи!

— И откуда их столько набралось, этих ткачей!

— Да не лезь, я тоже хочу посмотреть.

— Ну посмотри на этого длинноногого впереди!

— Ах, ах! Как их много!

Горниг (входит в «дом»). Что вы скажете? Ну и представление! Не каждый день такое увидишь! Ступайте все туда, к Дитриху. Они уже и там все перевернули вверх дном. И Дитрихову фабрику и винные погреба — все начисто разнесли. И пьют теперь из бутылок. Раскупорить бутылку — и то некогда. Раз, два — стукнут горлышком о камень — и готово! И заливают! Режут себе губы осколками! Некоторые уже обливаются кровью, как свиньи. Наверно, возьмутся и за здешнего Дитриха.

Песня замолкает.

Голоса жильцов. А они совсем не такие страшные.

Горниг. Что еще будет! Только сейчас они по-настоящему взялись за дело! Посмотрите, как они облепили фабрикантские палаты. А тот низенький толстый человек... с ведром. Это кузнец из Петерсвальдау. Какой силач! Самые крепкие двери он выставляет так легко, будто мыльные пузыри пускает. Уж поверьте мне. Попадись ему в руки фабрикант, не снести ему головушки.

Голоса жильцов. Трах! Вот оно как!

— В окно попал!

— Наверно, у старого Дитриха душа в пятки ушла!

— Смотрите, там доску вывешивают!

— Что там написано?

— Читать не умеешь, что ли?

— Тоже сказал, читать не умею!

— Ну так читай же!

— «Вы все... будете... удовлетворены!.. Вы все будете... удовлетворены!..».

Горниг. Ни к чему это теперь. Теперь это уже не поможет. Они своего добиваются: пробраться на фабрику!.. Разбить механические станки! Ведь это станки разорили ткачей, работающих вручную. Это и слепой видит. Нет-нет! И разошлись они сегодня! Никаким ландратам, никаким полицейским не справиться с ними! И никакая доска уже не поможет! Видать по тому, как они хозяйничают! Дело ясно.

Голоса жильцов. Сколько народу! Что вы скажете!

— Что им нужно? *(Пугливо.)* Вот они уже на мосту!

— *(С удивлением и страхом.)* К нам идут! К нам идут! Вызывают ткачей из домов!

Все убегают. Дом пустеет. Толпа восставших — грязные, запыленные, оборванные, одичалые люди; они проникают в сени. Красные от водки и возбуждения лица. Крики: «Ткачи, выходи!» проникают из дома в комнаты. Беккер и еще несколько молодых ткачей входят в комнату старого Гильзе. В руках у них нагайки и колья. Узнав старого Гильзе, они пятаются назад и словно приходят в себя.

Беккер. Папаша Гильзе, да полно вам трусить! Пускай просиживает табуретку тот, кому это любо. А вы больше не работайте в убыток. Об этом мы позаботимся!

Первый молодой ткач. Больше вы не будете ложиться спать голодными.

Второй молодой ткач. У ткачей снова будет крыша над головой и рубашка на теле!

Старый Гильзе. Откуда вас черт принес с кольями и топорами?

Беккер. Мы их испробуем на горбе Дитриха!

Второй молодой ткач. Мы зажжем их и сунем в пасть фабрикантам. Пускай знают, как привлекает голод.

Третий молодой ткач. Идемте с нами, папаша Гильзе! Мы никому не дадим спуску!

Второй молодой ткач. Нас никто не жалел. Ни бог, ни люди. Теперь мы сами постоим за себя.

Старый Баумерт (*входит, он уже не совсем крепко держится на ногах, под мышкой у него зарезанный петух. Протирает вперед руки*). Братья! Все мы братья! Я обнимаю вас, братья!

Смех.

Старый Гильзе. Вот до чего докатился!

Старый Баумерт. Густав! Ты! Бедняга Густав. Дай, я обниму тебя! (*Растроганно.*)

Старый Гильзе (*ворчливо*). Отстань!

Старый Баумерт. Так-то оно, Густав. Человеку привалило счастье. Взгляни на меня, Густав! На кого я похож? Человеку привалило счастье. Разве я не похож на графа? (*Бьет себя по животу.*) Угадай, брат, что у меня в брюхе? Благородная пища у меня в брюхе! Привалит человеку счастье — и в брюхо еще лезет заячь жаркое и шампанское. Что я вам скажу: мы дали промашку! Прежде всего надо было наесться вволю.

Все (*сразу*). Надо наесться вволю! Ур-ра!

Старый Баумерт. Как только съешь первый хороший кусок, так сразу почувствуешь себя по-другому. Боже милостивый! Силы набираешься, как у бы-

ка! И прет эта сила из тебя, не видишь, кого и бьешь. И охота рушить откуда-то берется!

Егер (*в дверях, вооруженный старой кавалерийской саблей*). Мы совершили несколько чудесных атак!

Беккер. Теперь мы уже понимаем, как действовать. Трахнуть в двери — раз, два, три — и мы в доме! И сразу за работу! И все трещит и дрожит. А искры летят, как из горна!

Первый молодой ткач. А если, между прочим, пустить красного петуха?

Второй молодой ткач. Пойдем в Рейхенбах и подожжем дома богачей!

Егер. Вот это было бы им на руку! Богачи получают большие деньги за страховку — и утешатся!

Все смеются.

Беккер. Отсюда мы двинемся во Фрейбург к Тромтрану.

Егер. А что если нам приняться за чиновников? Я читал, что все несчастья от бюрократов.

Второй молодой ткач. Пойдем в Бреславль. Там к нам присоединится еще больше народу.

Старый Баумерт (*к Гильзе*). Да пей же, Густав.

Старый Гильзе. Я не пью водки.

Старый Баумерт. Да это так было в старом мире, а теперь все по-другому. У нас — новый мир, Густав!

Первый молодой ткач. Не каждый день пасха!

Смеются.

Старый Гильзе (*нетерпеливо*). Чего вы хотите от меня, окаянные?

Старый Баумерт (*слегка смущен, с чрезмерной ласковостью*). Да, вот видишь, я принес тебе петушка. Свари старухе суп.

Старый Гильзе (*поражен, почти дружелюбно*). Ну, поди скажи ей об этом.

Фрау Гильзе (*приложила руку к уху, напряженно слушает, энергично отмахивается руками*). Оставьте меня в покое. Мне не надо куриного супа.

Старый Гильзе. Правильно, мать. И мне не надо. Да еще такого! А тебе, Баумерт, вот что скажу. Когда старики распоясываются и болтают, как малые дети, тогда у черта от радости спирает дыхание. И знайте же! Знайте все: между мною и вами нет ничего общего! Вы здесь не по моей воле. Здесь вам нечего искать права и справедливости.

Голос. Кто не с нами, тот против нас.

Егер (*грубо угрожая*). У тебя мозги не в ту сторону повернуты. Перестань, старик! Мы не воры.

Голос. Мы только голодны, вот и все.

Первый молодой ткач. Мы только хотим жить, вот и все. И потому мы перерезали веревку, на которой висели!

Егер. Так и надо было! (*Грозя старику кулаком.*) Скажи еще слово — и ты свету не взвидишь: стукну тебя кулаком по харе!

Беккер. Тише, тише! Отстаньте от старика. Папаша Гильзе, так мы порешили. Лучше умереть, чем жить по-старому.

Старый Гильзе. Разве я не прожил так шестьдесят с лишним лет?

Беккер. Так-то оно так. Но теперь все должно быть по-иному.

Старый Гильзе. Никогда это не сбудется.

Беккер. Не дадут нам добром, так возьмем силой.

Старый Гильзе. Силой? (*Смеется.*) Ну, тогда недолго вам ходить по земле. Вам покажут, у кого сила. Ждать придется недолго.

Егер. Ты имеешь в виду солдат? Мы тоже были солдатами. С одной-двумя ротами мы управимся!

Старый Гильзе. Конечно... вы их возьмете языком, болтовней! И даже, если вам повезет, с двумя управитесь, а пришлют десять новых.

Голоса за окном: «Войска! Войска! Берегитесь!» Внезапно все затихает. Доносятся отдельные звуки барабана и труб.

Голос (*неожиданно*). К черту! Я убегу!

Смех.

Беккер. Кто тут собирается удирать? Кто?

Егер. Кто тут раскис перед кучкой полицейских? Я буду вашим командиром. Я был солдатом и знаю всю эту музыку!

Старый Гильзе. А чем вы будете стрелять? Кольями, да?

Первый молодой ткач. Оставьте в покое этого старого хрыча, у него не все дома.

Второй молодой ткач. Да, у него не все дома.

Готлиб (*незаметно подошел к бунтарям, хватая того, кто произнес последние слова*). Как ты смеешь издеваться над стариком?

Первый молодой ткач. Отстань, я не сказал ничего обидного.

Старый Гильзе (*становясь между ними*). Пускай себе болтают. Не выходи из себя, Готлиб. Он очень скоро поймет, у кого не все дома: у меня или у него.

Беккер. А ты не с нами, Готлиб?

Старый Гильзе. И не подумает.

Луиза (*входит в дом, кричит в комнату*). Не теряйте времени! Не теряйте времени с этими ханжами, с этими дурнями! Идемте на площади! На площади! И крестный Баумерт пусть поторапливается! Майор, верхом на лошади, уговаривает людей, посылает их по домам. Если вы не поторопитесь, мы проиграем все.

Егер (*на ходу*). А муженек у тебя не из храбрых.

Луиза. Кто мой муж! Нет у меня мужа!

В доме начинают петь.

Виттиг (*с ведром в руке спускается сверху, хочет войти, но на мгновение задерживается в «доме»*). Вперед! Кто не хочет быть бесчестной собакой, вперед! Ура! (*Выбегает.*)

Группа людей, среди них Луиза и Егер, бегут с ним, крича «ура».

Беккер. До свидания, папаша Гильзе, мы с вами еще потолкуем. (*Уходит.*)

Старый Гильзе. Едва ли. Вряд ли я проживу еще пять лет. А раньше ты не вернешься.

Беккер (*останавливается в удивлении*). Откуда вернусь, папаша Гильзе?

Старый Гильзе. С каторги, откуда еще?

Беккер (*громко смеясь*). Давно об этом мечтаю. Там по крайней мере досыта хлеба поешь, папаша Гильзе! (*Уходит.*)

Старый Баумерт (*сидит на табуретке, тупо глядя перед собой, что-то обдумывая, и вдруг встает*). Правильно, Густав. Я выпил лишнее. Но голова у меня ясная. У тебя свое мнение, а у меня другое. И я говорю: Беккер прав, даже если это кончится цепями и веревками. Ведь в каторжной тюрьме куда лучше, чем дома. Там ты обеспечен, не голодаешь. Я рад бы не участвовать в этом. Но посуди сам, Густав: один-единственный раз человек должен на какой-то миг вздохнуть полной грудью! (*Медленно идет к двери.*) Прощай, Густав. Если что случится, помолись за меня. Слышишь? (*Уходит.*)

Восставшие разбежались. Дом снова заполняется любопытными жильцами. Старый Гильзе за станком. Готлиб вытаскивает топор из-за печи и машинально пробует, острое ли лезвие. Оба, отец и сын, сильно взволнованы. Снаружи доносится шум толпы.

Фрау Гильзе. В чем дело, отец? Половицы так дрожат. Что там происходит? Что будет? Что будет?

Пауза.

Старый Гильзе. Готлиб!

Готлиб. Да?

Старый Гильзе. Брось топор.

Готлиб. А кто наколет щепы? (*Прислоняет топор к стене.*)

Пауза.

Старый Гильзе. Готлиб, слушайся отца.

Голос поет у окна.

Готлиб (*вскакивает, бросается к окну с поднятым кулаком*). Скотина, не выводи меня из себя!

Раздается выстрел.

Фрау Гильзе (*в испуге*). О господи, опять гром!
Старый Гильзе (*невольно складывает руки для*

молитвы). Господи, иже еси на небеси! Защити бедных ткачей, защити моих бедных братьев!

Тишина.

(Про себя, потрясенный.) Теперь течет кровь.

Готлиб *(когда раздался выстрел, вскочил, в руке крепко держит топор, весь покраснел от внутреннего волнения, едва владеет собой)*. Что же, и теперь еще не сметь пикнуть?

Девушка-ткачиха *(кричит из «дома» в комнату)*. Папаша Гильзе, папаша Гильзе, отойди от окна. К нам наверх залетела пуля! *(Уходит.)*

Мильхен *(смеясь, высовывает голову за окно)*. Дедушка, дедушка, они стреляют из ружей. Люди попадали, один все еще вертится, вертится, как волчок, а другой трепыхается, как воробышек, которому отрубят голову. А крови сколько, крови!

Женщина-ткачиха. А вот и убитые.

Старый ткач *(в «доме»)*. Смотрите, они идут против солдат.

Второй ткач *(беспомощно)*. Ну, что вы скажете? Женщины, женщины! Задрали юбки и плюют на солдат!

Женщина-ткачиха *(кричит в комнату)*. Готлиб, посмотри на свою жену! У нее, видно, больше смекалки, чем у тебя. Прыгает вокруг штыков, будто под музыку танцует.

Четверо мужчин проносят через сени раненого. Тишина. Слышен чей-то голос: «Это ульбриховский ткач!» Снова раздается тот же голос: «С этим, видно, кончено. Получил пулю в лоб». На деревянной лестнице слышны мужские голоса: «Ура! Ура!»

Голоса *(в «доме»)*. Камни? Откуда они взялись? Да убирайтесь вы! Растащили шоссе.

— Ну, вот и солдаты. Зашвыряли булыжником!

Снаружи крики. Возгласы страха, рев в сенях. Двери из сеней на улицу захлопываются.

Голоса *(в «доме»)*. Они опять заряжают ружья! Сейчас будет еще залп!

— Папаша Гильзе, отойдите от окна!

Готлиб *(бежит за топором)*. Что? Что? Что? Бешеные собаки вы, что ли? Порох и пули жрать нам

вместо хлеба? *(Держит в руках топор, поколебавшись одно мгновение, обращается к старику.)* Чтоб мою жену застрелили? Нет! Никогда! *(Убегает.)* Смотрите, теперь иду я!

Старый Гильзе. Готлиб! Готлиб!

Фрау Гильзе. Куда ушел Готлиб?

Старый Гильзе. К черту в пасть!

Голос *(из «дома»)*. Отойдите от окна, папаша Гильзе!

Старый Гильзе. Я на это дело не пойду. Если даже вы все тут спятите. *(Обращается к старухе, говорит со все возрастающим пафосом.)* Отец небесный посадил меня сюда! Не так ли, мать? Тут я и буду сидеть и выполнять свои обязанности, хотя бы весь мир перевернулся! *(Берется за работу.)*

Раздается залп. Пораженный насмерть, старый Гильзе выпрямляется и падает на станок. Громкие крики «ура»; люди стоящие в сенях, выбегают на улицу.

Фрау Гильзе *(много раз повторяет)*. Отец, отец, да что с тобой?

Непрекращающиеся крики «ура» доносятся уже издали. Неожиданно в комнату вбегает Мильхен.

Мильхен. Дедушка, дедушка, они гонят солдат в деревню, они разнесли Дитрихов дом, они там тоже громят, как у Дрейсигера. Дедушка? *(Пугается, настораживается, сует палец в рот и подходит к мертвому деду.)* Дедушка?!

Фрау Гильзе. Да скажи же хоть слово, отец! Мне страшно!

Занавес падает.

Поется песня ткачей на мотив «Замок в Австрии есть...».